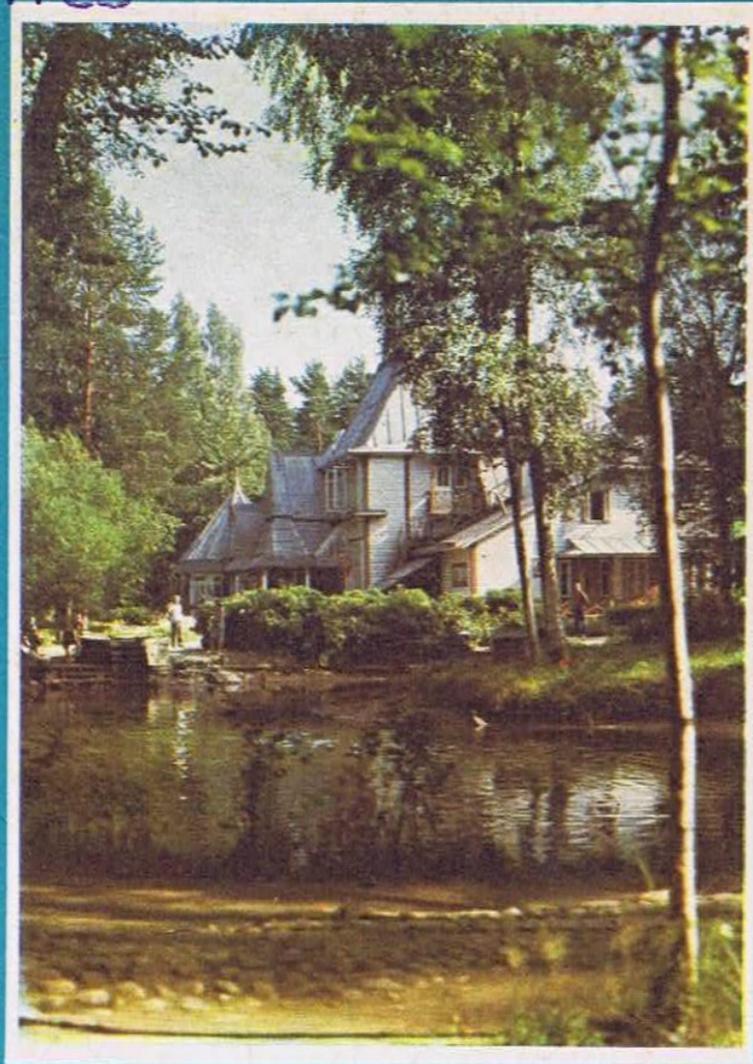

75с1(069)
П25

Музей-усадьба И. Е. РЕПИНА

ПЕНАТЫ

152377

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Тип. им. Котлякова. 5 -- 5 000 000. 1976 г. ЛГ-087 01-689.
Цена 0 р. 33 к. за 1000 шт.

85.143 7501(069)
П25

ПЕНАТЫ

Музей-усадьба И. Е. РЕПИНА

П у т е в о д и т е л ь

742

СЕРТИФИКАТ
РЕГИСТРАЦИИ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
МЭБ, № 152377

Музей-усадьба И. Е. Репина

0

Л Е Н И З Д А Т • 1 9 7 6

Научно-исследовательский музей
Академия художеств СССР

Под редакцией Е. Г. Левенфиш

**Карпенко М. А., Кириллина Е. В., Левенфиш Е. Г.,
Прибульская И. И.**

П 25 «Пенаты». Музей-усадьба И. Е. Репина. 2-е изд.
Л., Лениздат, 1976.

88 с.; 2 л. ил.

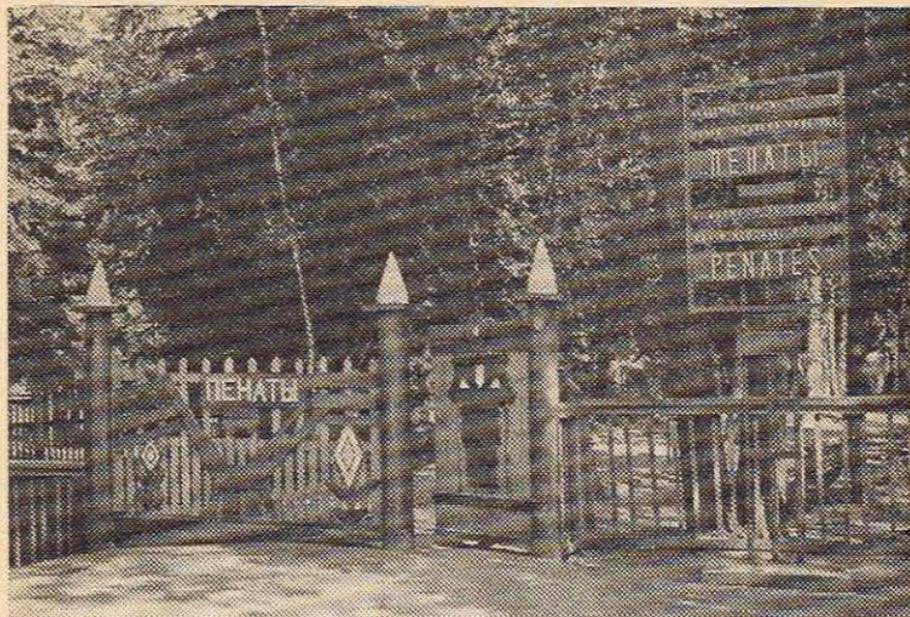
На обороте тит. л.: под редакцией Е. Г. Левенфиш.

Путеводитель знакомит с усадьбой «Пенаты», где жил и творил великий русский художник И. Е. Репин, где бывали лучшие представители русской интеллигенции начала XX века.

П $\frac{20904-041}{M 171 (03)-76}$ 103-76

75 С 1 (069)

© Лениздат, 1976

Когда мы бываем там, где протекала жизнь выдающихся людей, чьи имена навсегда связаны с развитием русской и мировой культуры, нас охватывает невольное волнение. Даже самые обыденные вещи приобретают особый смысл, если мы знаем, что они принадлежали знаменитым деятелям прошлого. Нас волнует сознание того, что это перо держал в своей руке Пушкин, что пальцы Чайковского касались клавишей этого рояля, что за этим столом написана «Анна Каренина», что именно этой кистью работал Репин. Входя в дом, где все хранит

неповторимые черты личности его хозяина, напоминает о его титаническом труде, увлечениях, творческих поисках и открытиях, мы как бы становимся его современниками, глубже постигаем его идеи и дела.

Высокие примеры служения своему народу делают человека чище и целеустремленнее. В этом огромное воспитательное значение мемориальных мест, бережно охраняемых в нашей стране.

К числу таких глубоко почитаемых памятников принадлежит усадьба И. Е. Репина «Пенаты»¹, в которой прошли последние тридцать лет жизни художника.

Илье Ефимовичу Репину было пятьдесят шесть лет, когда он поселился в небольшом домике на берегу Финского залива. Репин был тогда в зените славы. Художник, уже создавший такие картины, как «Бурлаки», «Крестный ход в Курской губернии», «Не ждали», «Запорожцы» и многие другие, в эти годы приступил к работе над грандиозным полотном «Заседание Государственного совета», ставшим, вместе с гениальными этюдами к нему, одним из самых высоких достижений русской живописи. В этом произведении Репин как бы подвел итог своей многолетней творческой деятельности. Он еще раз показал себя непревзойденным мастером сложной, многофигурной композиции, блестящим живописцем, верным последователем принципов критического реализма. В дальнейшем в «Пенатах» художник уже не создал произведений, равных «Государственному совету», однако творчество по-прежнему оставалось главным смыслом его жизни. За мольбой он проводил большую часть дня. Даже тогда, когда Репин гулял или работал в парке, когда бродил по берегу Финского залива, он обдумывал свои новые замыслы.

---

¹ По верованиям древних римлян, пенаты — боги-хранители домашнего очага, семейного благополучия. Позднее это слово стало нарицательным для обозначения родного дома.

Неистошимый интерес ко всему молодому, талантливому, любовь к людям, доброжелательность, гостеприимство, приверженность к литературе, к музыке — эти характерные особенности личности Репина привлекали в «Пенаты» художников, писателей, поэтов, ученых. Они съезжались в репинский дом по средам, когда там принимали гостей. Горький и Маяковский, Шаляпин и Ершов, Глазунов, Асафьев, Есенин, Бунин, Куприн, Тарханов, Бехтерев, Павлов и многие другие посещали «Пенаты». «Все побывали тут», — вспоминал Репин.

«Пенаты» дороги народу как место, где жил и творил Репин, где бывали лучшие представители русской культуры начала XX века.

* * *

Небольшую усадьбу в местечке Куоккала, расположенную на берегу Финского залива, в сорока пяти километрах от Петербурга, Репин приобрел в 1899 году на имя своей второй жены Н. Б. Нордман. С 1900 года художник проводил здесь большую часть времени. Его привлекала красота северной природы, тишина, которая иногда нарушалась только шумом моря. Близость к Петербургу давала возможность не прерывать занятий с учениками Академии художеств, профессором которой тогда был Репин, и не отрываться от общественной и художественной жизни столицы.

Купленный Репиным участок (около двух гектаров), запущенный, заросший кустарником и деревьями, через несколько лет превратился в парк с аллеями, беседками, прудами, которые наполнялись водою из вырытого около дома артезианского колодца. Каждая дорожка, холмик, беседка, рошица получили свои названия (порою несколько претенциозные, что было в духе Нордман). От дома, огибая справа небольшой пруд, шла «Аллея Пушкина». Она пересекала обрамленную соснами зеленую

лужайку, названную «Площадью Гомера», а стоящая здесь же, на пригорке, деревянная беседка с колоннами стала именоваться «Храмом Озириса и Изиды».

В конце «Аллеи Пушкина» была выстроена двенадцатиметровая ажурная «Башенка Шехерезады», с вершины которой открывался вид на залив.

Горку, отделявшую репинский участок от лежащего за ним поля, называли Чугуевской горой в память о родине художника. Небольшой холм у подножия горы, окруженный пирамидальными можжевельниками, был одним из любимых уголков парка. Здесь Репин завещал себя похоронить.

Маленький одноэтажный домик, в котором поселился художник, постепенно обрастал со всех сторон пристройками, верандами, балконами. Каждое лето в «Пенатах» работали плотники, столяры. Стучали топоры, звенели пилы. В 1906 году поднялся второй этаж с затейливыми скатами кровли, стеклянным шатровым перекрытием мастерской, резными украшениями, флюгерами. Все делалось по замыслу и рисункам художника и под его наблюдением. В отделке дома Репин использовал мотивы народных узоров, памятных ему еще с юношеских лет.

Это было время, когда русские художники пытались возродить национальные кустарные промыслы. У Мамонтова в Абрамцево, у княгини Тенишевой в Талашкине были открыты мастерские, где по эскизам Врубеля, Поленова, Малютина и других художников народными умельцами исполнялись деревянные, керамические и текстильные изделия. Работал в этих мастерских и Репин, и его увлечение народным искусством впоследствии сказалось на облике «Пенатов». Эскизов Репина не сохранилось, но о том, что они принадлежали художнику, мы узнаем из письма Стасова к Нордман от 21 января 1905 года. Стасов писал: «...нельзя ли Вам снять фотографией маленькие образчики архитектуры Репина: „Ворота“

Ваши с орнаментами (с улицы), необыкновенное „окно“ на фасаде, которое мне так нравится, и что Вы еще найдете сами»¹.

Строительство в «Пенатах» велось постепенно, без цельного архитектурного плана, и дом принял несколько странный, причудливый вид. Однако при близком знакомстве легко убедиться в целесообразности каждой пристройки, рассчитанной на то, чтобы в доме было много света, воздуха. Все делалось с той мыслью, чтобы здесь удобно было жить и работать художнику.

Усадьба стала достопримечательностью этих мест. Многочисленные репинские гости, приезжавшие из Петербурга, выходили на станции Куоккала, где их уже поджидали извозчики. Маленькие финские лошадки весело бежали по широкой дороге, обрамленной густыми елями и соснами. Две версты пути, и показывались ярко раскрашенные деревянные ворота с резной надписью «Пенаты».

За воротами — березовая аллея, уходящая в глубь парка. Несколько десятков шагов по мощенной булыжником дорожке, и справа открывался вид на двухэтажное деревянное здание.

С 1907 года Репин, отказавшись от профессорства в Академии художеств, стал постоянным жителем «Пенатов». Юридической хозяйкой усадьбы была Нордман. По завещанию, составленному в 1910 году, в случае ее смерти «Пенаты» становились пожизненной собственностью Репина, а потом переходили к Академии художеств при условии, что там будет открыт домик-музей И. Е. Репина.

Это согласовалось с желанием самого художника, и после смерти Н. Б. Нордман в 1914 году он хлопотал о вступлении в силу ее завещания.

---

¹ Репин И. Е., Стасов В. В. Переписка, т. III. М.—Л., 1960, с. 81.

Великая Октябрьская революция застала Репина в «Пенатах». По декрету о независимости Финляндии, подписанному В. И. Лениным в 1918 году, Куоккала, как часть финской территории, отделилась от Советской России, и Репин был отрезан от своих друзей, от привычной художественной среды.

В первые годы после революции художник находился в полном неведении о том, что делалось за рекой Сестрой, ставшей государственной границей, поэтому порою верил злобным вымыслам белой эмиграции о том, что его творчество в России забыто.

Старшая дочь художника Вера переехала к нему из Петрограда в 1922 году, и с этого времени она стала фактической хозяйкой «Пенатов». Корыстолюбивая, враждебно настроенная к Советской России, она всячески мешала налаживать связи отца с Родиной.

Однако никакие усилия не могли разорвать кровные узы, связывавшие Репина с его родной землей и его народом. Восьмидесятилетний Репин был потрясен, узнав, что в 1924 году в Москве в Третьяковской галерее, а потом (1925 г.) в Ленинграде в Русском музее устроена юбилейная выставка его произведений — самая полная из всех, какие когда-либо были при жизни художника.

Со всех концов России в тихие «Пенаты» пришли письма, поздравительные телеграммы. К художнику стали приезжать прежние друзья — К. И. Чуковский, скульптор И. Я. Гинцбург, академик И. П. Павлов.

Большим событием и радостью для старика Репина был приезд в 1926 году делегации советских художников (Е. А. Кацман, П. А. Радимов, А. В. Григорьев) во главе с любимым учеником Репина И. И. Бродским.

В том же году Репин получил от К. Е. Ворошилова письмо, которое напоминало ему, что место художника на обновленной родине, где его всегда ждут.

Репин решил вернуться. Однако дети воспротивились его намерению и отказались ехать вместе с ним. Художник был слишком немощен, чтобы предпринять решительные шаги и идти на разрыв с близкими, и со дня на день стал откладывать срок своего переезда.

Репин искренне радовался успехам Советской России, и прежде всего в литературе, поэзии, живописи. Он оставался всю жизнь русским подданным (не принял предлагаемого ему финского гражданства), но стать участником великих дел своей Родины уже не мог.

В одном из последних писем к своим землякам-украинцам Репин признается, что, несмотря на страстное желание побывать на Украине, в родных местах, судьба сулила ему найти могилу в парке «Пенатов».

В первые годы после Великой Октябрьской революции Репин не изменил своего намерения завещать «Пенаты» Академии художеств (он писал об этом несколько раз в Советский Союз). Только в августе 1927 года, во время тяжелой болезни, дети Ильи Ефимовича Репина заставили восьмидесятитрехлетнего отца подписать распоряжение, по которому все художественное собрание после его смерти делилось между ними.

До 1939 года Вера Ильинична жила в «Пенатах». В начале войны 1939 года она бежала в Хельсинки, захватив часть картин и рисунков отца. Вместе с нею уехал и ее брат Юрий Репин.

Сотрудники музея Академии художеств СССР застали дом Репина в страшнейшем беспорядке: все было брошено, ценнейший архив художника валялся на полу вместе с его личными вещами и оставшимися произведениями.

В течение нескольких месяцев дом был приведен в порядок и весной 1940 года открыт для посетителей как музей. Однако музею не суждено было долго просуществовать. Началась Великая Отечественная война. Карельский перешеек стал ареной военных действий. Художественные

произведения, мемориальные вещи и часть обстановки дома были вывезены в Ленинград, в Академию художеств. Когда наши войска летом 1944 года освободили Куоккалу, репинские «Пенаты» были пепелищем недавнего пожара. От дома остались только фундамент и остовы печей. Парк поредел, пруды высохли и заросли кустарником.

Тогда же, в 1944 году, отмечалась столетняя годовщина со дня рождения художника. Постановлением правительства решено было восстановить «Пенаты» как выдающийся памятник русской культуры, а поселок Куоккала переименовать в поселок Репино.

Восстановление «Пенатов» заняло много времени. Обмеров репинского дома не было, поэтому его восстанавливали по сохранившемуся фундаменту и многочисленным фотографиям, которые были сделаны здесь в различные годы жизни Репина и после его смерти.

Пока строительные организации возводили дом¹, научные сотрудники музея Академии художеств СССР были заняты работой в библиотеках и архивах, собирая необходимый материал для воссоздания его внутреннего убранства. Часть обстановки, как уже говорилось, была эвакуирована и сохранилась в Академии художеств. Однако крупные вещи, такие, как знаменитый обеденный круглый стол и так называемый «шалапинский» диван в мастерской, вывезти тогда из «Пенатов» не удалось. Пользуясь фотографиями интерьеров, музей Академии художеств стал приобретать у частных лиц мебель и другие предметы обстановки, аналогичные бывшим когда-то в «Пенатах». С этой целью в Ленинграде были устроены выставки фотографий предметов, подобные которым требовались будущему музею. Задача в известной мере облегчалась

¹ Проект исполнялся архитектурной мастерской Ленпроекта под руководством И. Капцюга архитектором В. Шерстневым. Вел работы отдел капитального строительства Ленинградского исполкома.

тем, что, очень непритязательный в своем домашнем обиходе, Репин не заказывал мебели, а большей частью покупал ее в магазинах. Правда, чтобы найти, например, письменный стол для кабинета, пришлось пересмотреть у разных лиц более двадцати столов, прежде чем подобрать точно такой, какой был у Репина. По составленной в 1939—1940 годах описи вещей, сохранившихся в «Пенатах», было известно, что в гостиной стоял рояль фирмы Беккер № 34132. Эта фирма выпускала рояли сериями, в каждой из которых инструменты были совершенно одинаковы по виду. Кроме того, сохранились сведения, что рояль для Репина выбирал композитор А. К. Глазунов. Случай помог найти рояль, не только близкий по номеру, но и такой, на котором в былые годы играл Глазунов. Владелицей рояля оказалась ученица композитора.

Многие ленинградцы, движимые любовью к Репину, приносили музею в дар вещи, письма, фотографии.

За несколько месяцев до открытия музея выяснилось, что у дальних родственников Репина находится часть мебели из петербургской квартиры художника, семейные альбомы фотографий и ряд других предметов.

Подлинность этих вещей бесспорна. Инкрустированный псевдовосточный столик изображен Репиным в картине-этюде «Негритянка» (Государственный Русский музей). На нотной этажерке имеется даже автограф Репина. Другие предметы репинской квартиры видны на различных фотографиях. Эта мебель и вещи стали существенным дополнением обстановки дома в «Пенатах».

То, что не удалось приобрести, воссоздали художники и архитекторы. Обеденный стол пенатской столовой — с вращающейся серединой — мог быть восстановлен полностью благодаря тому, что в архиве Русского музея был найден чертеж этого стола и объяснение его конструкции.

Большие трудности пришлось преодолеть при восстановлении печей и каминов. Тут помогли картины и

рисунки Репина и других художников, в которых встречаются изображения интерьеров. Так, например, портрет Репина, исполненный Бродским, был написан на фоне большого желтого камина в мастерской «Пенатов». Печь в столовой видна на многих фотографиях. Кроме того, один из художников (Ю. Мунтян), делавший эскизы для восстановления этой печи, на развалинах репинского дома еще в 1944 году подобрал несколько кафелей, которые послужили ему образцом. Для маленьких печей в зимней мастерской подошли кафели разобранных к этому времени печей Русского музея.

Вместо некоторых утраченных произведений, которые были в «Пенатах», главным образом работ учеников Репина, удалось отыскать картины тех же художников, относящиеся к тому же времени. Так появились в «Пенатах» этюд В. А. Серова «Пиратка», портреты работы Б. М. Кустодиева, И. С. Куликова, И. И. Бродского, Н. Ф. Петрова.

Усилиями архитекторов, художников, научных работников при постоянной поддержке партийных и советских организаций Ленинграда в июне 1962 года было завершено восстановление дома и всей территории усадьбы.

24 июня 1962 года состоялось торжественное открытие возрожденных репинских «Пенатов».

Главная задача работников музея-усадьбы И. Е. Репина — пропаганда, популяризация и изучение творческого наследия художника. Обслуживание посетителей организовано здесь таким образом, что каждый пришедший в музей может ознакомиться с ним, прослушав объяснения, записанные на магнитофонную ленту; причем имеется несколько вариантов этих объяснений, рассчитанных на различные группы экскурсантов (в том числе, тексты для школьников, на языках народов СССР и на

иностранных языках). В музее также постоянно дежурит научный сотрудник-консультант, в распоряжении которого имеются альбомы с дополнительными материалами и фотографиями. В конце осмотра музея посетитель увидит четырехминутный документальный кинофильм, смонтированный из кадров, на которых запечатлен Репин в последние годы жизни.

С историей репинской усадьбы посетителя знакомит выставка, которая размещается в павильоне, находящемся у входа в парк. Там же можно прослушать беседу о творчестве Репина и рассказ о мемориальных местах в парке «Пенатов». Кроме того, городским экскурсионным бюро проводятся автобусные экскурсии по репинским памятным местам в Ленинграде и в музей-усадьбу «Пенаты». Коллектив сотрудников «Пенатов» ведет научно-исследовательскую работу по составлению летописи жизни художника с наиболее полным каталогом его произведений. Создается собрание (в виде микрофильмов) рукописей Репина, хранящихся в архивах и частных коллекциях, и фотографий его произведений.

Парк, дом, внутренний вид комнат воссозданы такими, какими они были в 1905—1912 годах, то есть в наиболее значительный и интересный период жизни Репина в «Пенатах». Всего в доме Репина восстановлено десять комнат (считая зимнюю веранду). Та часть дома, где были кухня, ванная и другие хозяйственные пристройки, согласно завещанию не сохранялась, поэтому сейчас она занята гардеробом музея и кабинетами для научной работы.

Осмотр дома-музея начинается с комнат¹, на стенах

---

¹ Эти три комнаты сохранили старую планировку, но их внутреннее убранство не восстановлено, так как не было обнаружено необходимых фотографий и сами комнаты несколько раз меняли свое назначение. Известно, что в угловой была спальня Нордман, затем Надежды Ильиничны, средняя служила малой столовой, а в первой комнате жила прислуга.

которых размещены большие фотографии основных произведений художника.

Начиная с первой крупной картины Репина, «Воскрешение дочери Иaira», за которую при окончании Академии художеств он получил большую золотую медаль, можно проследить, как развивался и мужал гений Репина. Такие произведения, как «Бурлаки на Волге», «Крестный ход в Курской губернии», «Не ждали», «Запорожцы», «Отказ от исповеди», «Заседание Государственного совета», были этапами не только творческого пути самого художника, но и всего русского демократического искусства второй половины XIX и начала XX века.

Необыкновенный природный дар живописца с юных лет сочетался у Репина с исключительным трудолюбием и страстью к работе. Как художник он сложился в один из переломных и значительных периодов в истории национального искусства. Идейно Репин был воспитан в традициях революционных демократов и всегда считал себя человеком шестидесятых годов, для которого «не умерли идеалы Гоголя, Белинского, Тургенева, Толстого...»¹.

Еще студентом Академии художеств Репин стал последователем И. Н. Крамского, живописца и общественного деятеля, заставившего, по словам Репина, «уважать и признать национальное русское творчество».

На глазах у Репина под руководством Крамского создались первые в России демократические объединения художников — Артель художников, затем Товарищество передвижных художественных выставок. Репин вступил в ряды Товарищества уже известным живописцем, его произведения всегда были в центре внимания на передвижных выставках и горячо обсуждались в прессе.

---

¹ Из письма И. Е. Репина к Н. И. Мурашко от 30 ноября 1883 г. Цит. по кн.: Репин об искусстве. М., 1960, с. 26.

В разнообразии своих художественных замыслов Репин не имел себе равных. В его творчестве есть произведения, раскрывающие социальные противоречия пореформенной России, где Репин показал себя защитником угнетенного народа («Бурлаки», «Крестный ход в Курской губернии», «Проводы новобранца»); в ряде творений художник воспевал самоотверженную борьбу русских революционеров («Не ждали», «Отказ от исповеди», «Арест пропагандиста»). Такие полотна, как «Иван Грозный и сын его Иван», «Царевна Софья», воспринимались как своеобразное преломление в исторических сюжетах современных драматических событий. Наконец, в исторических картинах «Запорожцы, сочиняющие письмо турецкому султану», «Черноморская вольница», «Гопак» художник прославил свободолюбие и братство своих земляков — украинских казаков. Репин считал, что людям науки, искусства и литературы дана великая цель — помочь своему народу в его движении к просвещению, к свободе, в борьбе за человеческие права. Вот почему в портретах писателей, художников, ученых, композиторов Репин заставляет увидеть за блестяще переданными индивидуальными чертами глубокую внутреннюю жизнь ума и сердца. Таковы портреты Л. Толстого, Мусоргского, Сурикова, Стасова, Стрепетовой, Глазунова и многих других.

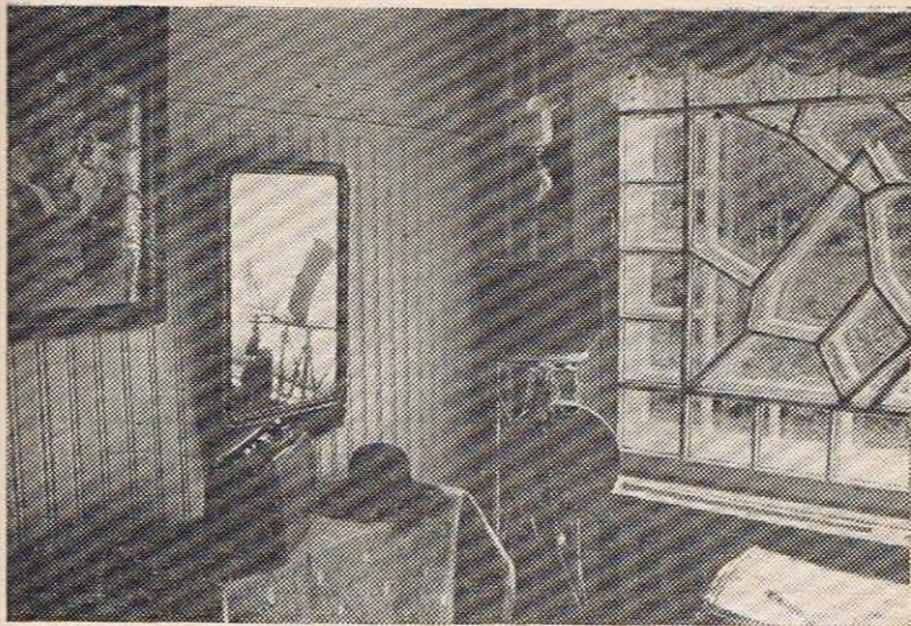
В витринах, расположенных вдоль стен, — архивные документы, биографические материалы. В выписке из метрической книги можно прочесть, что 24 июля 1844 года в городе Чугуеве у рядового Ефима Васильевича Репина и его жены Татьяны Степановны родился сын Илья — тот, кому суждено было стать гордостью русского искусства.

В прошении о материальной помощи девятнадцатилетнего ученика Академии художеств Ильи Репина есть волнующие строки о том, сколько пришлось ему вынести испытаний, преодолеть преград, проявить упорства, чтобы идти по намеченному пути.

В одной из витрин — печатный отзыв о картине «Бурлаки на Волге», принадлежащий перу известного критика В. В. Стасова, не только первого пропагандиста произведений И. Е. Репина, но и его духовного руководителя и друга. В письме к И. Н. Крамскому 14 февраля 1878 года Репин просил баллотировать его кандидатуру в члены Товарищества передвижных художественных выставок. Тут же приводится ответ Крамского: «Знаете ли вы... какое хорошее слово вы написали „я ваш!“». Рядом — письма П. М. Третьякова, А. М. Горького, М. П. Мусоргского, отклики прессы, фотографии из архива художника, портреты И. П. Павлова, Л. Н. Толстого, В. Н. Фигнер, Н. А. Морозова и многих других. Все эти материалы напоминают о людях, которым был идейно близок Илья Ефимович Репин.

Текст завещания Репина, письмо К. Е. Ворошилова к нему, фотография, запечатлевшая группу советских художников, посетивших «Пенаты» в 1926 году, прощальное письмо художника своим чугуевским землякам и другие документы последних лет жизни Репина завершают экспозицию первых трех комнат.

Основную часть дома занимают прихожая, кабинет, гостиная, столовая и мастерская художника.

ПРИХОЖАЯ

При Решине в прихожую попадали прямо с крыльца. Это — небольшое, очень светлое помещение, вся южная стена которого занята узорным окном. У окна, на бамбуковой подставке, медный гонг — «Там-Там». Он был выписан Н. Б. Нордман в 1909 году из Парижа. Над гонгом плакат, сделанный от руки: «Самопомощь... Сами снимайте пальто, калоши... Бейте весело, крепче в Там-Там... Открывайте дверь в столовую сами...» Самопомощь — это девиз репинского дома.

Швейцара или горничной, которые обычно встречали гостей в состоятельных домах, здесь не было. Все, не исключая хозяев, работали на равных правах. Уважение к человеческому достоинству было принципом «Пенатов», и прислуживание кому бы то ни было считалось недопустимым. Нордман и Репин и у себя, и в гостях, здоровались с прислугой за руку. И, что было также редкостью для того времени, служившие в «Пенатах» имели определенные часы работы и один свободный день в неделю.

Слова плаката «Открывайте дверь в столовую» требуют некоторого пояснения. Та комната, из которой сейчас посетители осматривают прихожую, была малой столовой, где хозяева обедали во все дни, кроме среды. Здесь же находились и телефонные аппараты — местный и между-городный.

В прихожей, у выходных дверей, справа стоит старый флаг «Пенатов». Раньше он был голубым и поднимался над домом по средам, оповещая о том, что хозяева ждут гостей. На вешалке, рядом, репинская крылатка, шляпа и берет. В этой крылатке мы видим Репина на многих фотографиях 1900—1905 годов; в ней он снят на морском побережье, у себя в саду.

В этой же крылатке Репин изображен советским скульптором М. Г. Манизером. Бюст работы Манизера находится в двух километрах от музея-усады, в центре поселка. Такой же памятник установлен на родине Ильи Ефимовича — в Чугуеве.

Большой «рембрандтовский» берет художник очень любил и особенно часто носил в последние годы жизни.

У окна стоит старый деревянный сундук. Этот сундук в 1920-е годы Репин подарил своей прислуге Мине Лаутанен, когда она выходила замуж. Летом 1962 года сундук вернулся из Финляндии в «Пенаты». Муж Мины — Мати Ханола, узнав, что дом Ильи Ефимовича Репина восстанавливается, привез его и передал музею.

Против входных дверей — простое зеркало, вместо подзеркальника — ящик, сбитый из вагонки, покрытый домотканой шерстяной скатертью. Здесь же небольшой кожаный саквояж, верно служивший Репину во время его путешествий. В нем Илья Ефимович держал необходимые для художника принадлежности. Так, на фотографии, запечатлевшей Репина за работой в залах Третьяковской галереи, похожий саквояж стоит у ног художника. В углу прислонены простые самодельные трости и заступ, которым Репин немало поработал в своем парке. Он очень любил физический труд, и еще в девяностых годах в имении Здравнёво яблоневый сад был посажен его руками. На фотографиях, снятых в «Пенатах», мы видим Репина обычно занятым работой. На одной из них он копает пруд в парке вместе с рабочими, на другой — осенним утром подметает опавшие листья на березовой аллее, на третьей — Репин вместе с Шаляпиным убирает снег около дома. В прихожей у зеркала большая фотография, сделанная 20 июля (2 августа н. с.) 1912 года. Группа гостей запечатлена на ступеньках лестницы, ведущей к беседке «Башенка Шехерезады». Репин и Нордман сидят слева, напротив Репина — художник М. П. Боткин.

Непритязательная обстановка маленькой прихожей — одно из первых вещественных свидетельств скромной и трудовой жизни, которую вел здесь Репин.

«Сам убирал свою комнату... сам (покуда мог) топил печи, — вспоминает Чуковский. — Неправидел, чтобы ему угождали, и горе было тому человеку, кто пытался поддержать ему пальто!»¹

---

¹ Чуковский Корней. Репин (Из моих воспоминаний). М.—Л., 1945, с. 27.

КАБИНЕТ

Задумав пристроить к своему дому кабинет, Репин как бы раздвинул одну из его стен и вышел в сад. Эта комната с выступающей полукругом стеклянной стеной всегда полна света и «напоминает корму большого парохода», как писала А. П. Остроумова-Лебедева¹.

Кабинет — самая поздняя пристройка к дому. Она была сделана в 1912 году.

---

¹ И. Е. Репин. Сборник докладов и материалов. М., Академия художеств СССР, 1952, с. 21.

Должно быть, эта комната понадобилась художнику тогда, когда он почувствовал необходимость подвести итоги прожитых лет. Заметив, что Репин все чаще и чаще в своих разговорах возвращается к прошлому, Нордман уговорила его начать писать мемуары. В эти годы в различных журналах появляются как бы отдельные главы из воспоминаний художника, а когда в 1910-е годы Репин подружился с К. И. Чуковским, работа его над мемуарами приобретает более упорядоченный характер. Вместе они перебирают старые альбомы с рисунками и перечитывают отрывочные записи. Как говорил Репин, Корней Иванович взял на себя труд «приведения в систему не систематичных накоплений».

В центре кабинета стоит письменный стол, на нем, среди личных вещей художника, можно видеть также и страницы рукописи его воспоминаний. Одна из них помечена: «4 июля 1913 г. „Пенаты“». А в витрине, перед кабинетом, помещены корректурные листы будущей книги «Далекое близкое» с авторской правкой. Однако при жизни Репина эта книга не увидела свет, она появилась только в 1937 году, под редакцией К. И. Чуковского.

Литературные выступления Репина обычно встречались современниками неодобрительно. Часто он слышал советы не братья за перо. Осуждались не только высказанные художником мысли, но и его литературный стиль. В свое время лишь В. В. Стасов, а позднее К. И. Чуковский по достоинству оценили литературное дарование Репина.

В своем вступлении к репинским мемуарам Чуковский подробно разбирает литературную манеру художника. Так, он пишет: «...вообще, в его статьях превосходный язык — пластический, свежий и выразительный — язык не всегда покорный мертвым грамматическим правилам, но всегда живой и богатый оттенками»¹.

---

¹ Репин И. Далекое близкое. М., 1964, с. 8.

В «Далеком близком» Репин подробно рассказал о детстве, о студенческих годах в Петербургской Академии художеств, о товарищах по искусству, деятелях русской культуры. Книга эта написана сочным и выразительным языком. Репин блестяще передает в диалогах народную речь, например бурлаков, волжских крестьян.

Неизменный успех книги Репина у читателей показывает, насколько Стасов и Чуковский были правы в своих оценках. «Далекое близкое» уже выдержало семь изданий, и каждое расходилось с чрезвычайной быстротой.

Художник хорошо знал русскую литературу, особенно почитал Гоголя. В своих «словесных писаниях», как признавался Репин, он находился под сильным влиянием автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

Репин всегда стеснялся публично выступать в литературе, и его страсть к этому виду творчества находила выход в обширной переписке. Он умел и любил писать письма. Здесь, в «Пенатах», в своем кабинете он проводил многие часы за письменным столом. «Письма к друзьям, этот суррогат литературного творчества, были его излюбленным жанром, главным образом письма к художникам, артистам, ученым. Они исчисляются тысячами... читая их, в самом деле нельзя не прийти к убеждению, что литература — такое же призвание Репина, как и писание красками»¹, — вспоминал К. И. Чуковский. Это литературное наследие Репина велико по объему. Многие из него опубликовано. Издана переписка Репина со Стасовым, Л. Толстым, Крамским, с Тархановыми и другими. Часть писем Репина еще не опубликована и хранится в архивах и у коллекционеров.

О дружеских отношениях Репина с многими представителями передовой русской интеллигенции свидетельст-

---

¹ Репин И. Далекое близкое, с. 11—12.

вует не только его переписка, но и многочисленные книги, полученные им от авторов.

В витринах перед кабинетом можно видеть книги с дарственными надписями А. П. Чехова, В. Г. Короленко, И. А. Бунина, Н. С. Лескова, Л. Н. Андреева, С. Н. Сергеева-Ценского, Ц. А. Кюи, Н. А. Морозова, Д. И. Менделеева.

Библиотека Репина сохранилась не полностью, но и в таком виде она характеризует круг интеллектуальных интересов художника. В кабинете, вдоль стен, на низких книжных полках, наряду с художественной литературой, книгами по искусству есть труды по естествознанию, физиологии, медицине, психологии. Репин был знаком с многими физиологами и врачами: С. П. Боткиным, И. М. Сеченовым, Н. И. Пироговым и другими. У него в «Пенатах» бывали И. П. Павлов, И. Р. Тарханов, В. М. Бехтерев.

В 1908 году в Петербурге В. М. Бехтерев создал и возглавил Психоневрологический институт. Репин был чрезвычайно заинтересован работами Бехтерева и даже принимал участие в научных заседаниях, выступая с докладами по вопросам, связанным с искусством. Репин готовил статью о психологии творчества художника для «Популярного литературно-медицинского журнала». В ней художник, по-видимому, хотел, пользуясь собственным опытом, проанализировать сложнейшие явления процесса творчества. Репин был избран почетным членом Психоневрологического института. Памятью об этих увлечениях Репина, о его встречах с Бехтеревым остался написанный в кабинете «Пенатов» (1913 г.) портрет ученого.

О том, как много и внимательно читал Репин, мы можем судить по его письмам, в которых постоянно встречаются упоминания, а порою почти рецензии на только что прочитанные произведения. «Чтение книг и журналов

было его ежедневной привычкой, — пишет К. И. Чуковский. — Каждую книгу он воспринимал как событие и разнообразием литературных своих интересов превосходил даже профессиональных писателей»¹.

Нередко Репин откликался на прочитанные статьи. А в 1914 году он даже написал предисловие к книге К. И. Чуковского об американском поэте-демократе Уолте Уитмене².

Классиков он перечитывал по многу раз и на протяжении всей жизни. Так, Гомером Репин зачитывался еще в 1871 году на Волге, когда работал над «Бурлаками». И здесь, в кабинете, ему, уже старику, А. М. Комашка читал вслух «Илиаду» и «Одиссею». В кабинете «в зимние вечера, восседая на высоком подиуме за письменным столом, любил работать пером, акварелью, в то время как я ему читал вслух очередную книгу, — вспоминает А. М. Комашка, ученик Репина, проживший в „Пенатах“ около трех лет, — ...иногда он пользовался своим кабинетом и как живописной мастерской, так как там было обилие света»³.

Сохранился великолепный рисунок Репина, запечатлевший А. М. Комашку за чтением. Фотография с этого рисунка находится на полке слева.

В 1918 году Репин оказался отрезанным от России. На время почти прервались связи с прежними друзьями. В эти годы кабинет, где все напоминало ему о прошлом, стал любимой комнатой художника.

На письменном столе, как и прежде, в простых рамках стоят фотографии близких. Справа — портрет отца, военного поселенца города Чугуева Харьковской губернии

¹ Чуковский Корней. Репин (Из моих воспоминаний), с. 32.

² Чуковский К. Поэзия грядущей демократии. Предисловие И. Е. Репина. М., 1914, с. 5—6.

³ Художественное наследство. Репин, т. II. М.—Л., 1949, с. 294.

Ефима Васильевича Репина, слева, в глубине, — портрет матери, Татьяны Степановны, и фотоснимок десятилетнего сына Репина — Юрия. Здесь же лежат папки с поздравительными адресами, бювары, портфель с монограммой «И. Р.», подаренные ему почитателями. Прессом для бумаг Репину служил большой кусок зеленого стекла — память о посещении Брянского завода. Слева стоит ящик с большим увеличительным стеклом в деревянной рамке — приспособление, которым пользовались при рассмотривании фотографий. Деревянная шкатулка была преподнесена Репину, когда произошел несчастный случай с картиной «Иван Грозный», изрезанной 16 января 1913 года психически больным А. Балашовым. Возможная гибель картины вызвала поток сочувственных писем и телеграмм в адрес Репина. Эта корреспонденция (436 писем) была передана художнику в резном ларце, изготовленном в кустарных мастерских села Абрамцево-Кудринское по образцам старинных «изголовников».

Небольшая плита из розового мрамора, служившая подставкой для чернильницы, подарена Илье Ефимовичу Репину А. Свиныным 21 августа 1910 года, в день открытия правого флигеля Русского музея, перестроенного по проекту этого архитектора.

Рядом с письменным столом находится гипсовый слепок со статуи «Скорчившийся мальчик» работы Микеланджело (оригинал хранится в Государственном Эрмитаже), а на кафельной печке, слева, бронзовая статуэтка «Нарцисс», отливка с античного подлинника, хранящегося в Национальном музее в Неаполе, — память о путешествиях Репина по Италии.

На книжных полках, вдоль окон, «помещаются статуи русских великанов в маленьком виде» — так называл Репин скульптурные работы И. Я. Гиндбурга. Справа портрет Д. И. Менделеева (1890 г.), который Репин очень хвалил, говоря: «...Менделеев сидит в кресле — совершенно

похожий, как живой, и кажется — движутся мускулы на его характерном лице...»¹

Статуэтка большого друга Репина — юриста и литератора А. Ф. Кони — сделана в 1898 году. Художник высоко ценил разностороннее дарование и тонкий ум этого человека и в 1896 году создал его живописный портрет. После Октябрьской революции Репин был очень огорчен, когда белоэмигранты пустили слух, будто Кони умер от голода в Петрограде. Узнав, что это ложь, Репин писал ему в 1921 году: «Вера меня так обрадовала известием, что Вы живы и читаете лекции»².

Рядом со статуэткой А. Ф. Кони портрет А. Г. Рубинштейна. О том, как осуществилось намерение В. В. Стасова запечатлеть в скульптуре образ композитора А. Рубинштейна, он рассказал в письме от 26 декабря 1891 года своей дочери С. В. Фортунато: «Вчера я видел Рубинштейна (он приехал нарочно из-за границы дать по концерту в Петербурге и Москве в пользу голодающих). А я ведь, знаешь, уговорил его позволить сделать с себя статуэтку во весь рост, сидящую, и со вчерашнего дня ее уже делает у него, в номере „Европейской гостиницы“ — Илья Гинцбург, она будет таких же размеров, как моя и как Льва Толстого...»³

Скульптурный портрет В. И. Сурикова выполнен Гинцбургом в 1914 году. С Василием Ивановичем Суриковым Репин особенно сдружился в конце 1870-х годов в Москве. Тогда же они встретились с Львом Николаевичем Толстым, который был чрезвычайно заинтересован творчеством обоих художников. Влияние Толстого Репин чувствовал

¹ Репин И. Е. Письма к Е. П. Тархановой-Антокольской и И. Р. Тарханову. М.—Л., 1937, с. 78.

² Репин И. Е. Письма к художникам и художественным деятелям. М., 1952, с. 224.

³ Цит. по кн.: Скульптор Илья Гинцбург. Воспоминания, статьи, письма. Л., 1964, с. 229.

всю свою жизнь. Однако преклоняясь перед гением писателя, художник не разделял его этических убеждений. «На мой взгляд,— говорил Репин,— Л. Толстой — гений как художник и слаб, когда начинает философствовать, проводить в своих произведениях различные тенденции»¹.

Рядом с портретом Сурикова находится маленькая скульптура пишущего Л. Н. Толстого. На ней есть подпись: «И. Гинцбург. Ясная Поляна 5 июля 1891 г.». Когда Гинцбург работал над этим портретом писателя, Репин также был в Ясной Поляне и сделал рисунок, изображающий Толстого в той же позе.

К 1900 году относится скульптура критика В. В. Стасова. «Чем больше я гляжу на его статую Вашей лепки,— пишет Репин Гинцбургу,— тем живее он становится для меня, и вот-вот, кажется, он пошевелится и скажет что-нибудь нам такое драгоценное и значительное...»²

В 1914 году И. Я. Гинцбург изобразил Репина за работой, с кистями у мольберта,— барельеф висит над дверью слева от входа в кабинет.

Находясь за рубежом, Репин продолжал живо интересоваться всем, что делалось в России. С начала 20-х годов, когда в «Пенатах» появляется детекторный радиоприемник, Репин стал непосредственно слушать голос Родины и все больше узнавать о том, что там происходит.

В бумагах дочери художника В. И. Решиной сохранился рисунок пером, изображающий Репина в профиль с наушниками на голове; вся его фигура выражает напряженное внимание. Подпись под рисунком рукою Веры Ильиничны гласит: «Папа слушает оперу из Мариинск[ого] театра „Бал-маскарад“ Верди: прощальный спектакль заслуж[енного] артиста Шаронова».

¹ Художественное наследство. Репин, т. II, с. 142.

² Там же, с. 323.

Репин интересовался не только музыкой, но и буквально всем, что было связано с просвещением, культурой, искусством Советской России. «...Слушая по радио лекции пролетариата,— писал Репин,—я много раз был восхищен теми истинами, которыми живет уже его лучшая часть (особенно молодые писатели), так высоко поднялись они в последних произведениях, никакого квасного „пролетариата“ — безграмотности они не проявляют... В молодой русской литературе виден большой прогресс (в молодом комсомольстве). Есть надежда, что Россия выбьется из бедности...»¹

Все больше крепили связи художника с Советской Россией. Расширялся круг переписки: он снова пишет старым друзьям — Д. И. Яворницкому, В. М. Бехтереву, И. П. Павлову, А. Ф. Кони, И. И. Бродскому, К. И. Чуковскому и другим, расспрашивает о художественной жизни страны, о выставках, о новых книгах.

В 1924 году по случаю 80-летия со дня рождения Репина и 50-летия его художественной деятельности в Советском Союзе была устроена юбилейная выставка его произведений. Общество имени А. И. Куинджи послало юбиляру приветственное письмо-адрес. Свой ответ на поздравление старый художник заканчивал словами: «Да здравствует жизнь, да процветает искусство, дорогое искусство! Без искусства жизнь скука, прозябание»².

В 1926 году поэт и дипломат Павел Безруких побывал в «Пенатах». Он сделал очень многое, чтобы заинтересовать И. Е. Репина жизнью Советского Союза. Когда он уезжал, художник попросил прислать ему сочинения В. И. Ленина. Безруких выполнил эту просьбу. Книги

---

¹ Цит. по кн.: Бродский И. А., Меламуд Ш. Н. Репин в «Пенатах». М.—Л., 1940, с. 12—13.

² Письмо И. Е. Репина опубликовано в журнале «Звезда», 1946, № 2-3, с. 184.

сохранились и экспонируются в витрине перед кабинетом.

«Ах, большое спасибо за книги — о Ленине, — благодарил Репин, — я читаю все и добираюсь до понимания этого человека»¹.

Рядом с томами сочинений В. И. Ленина в витрине находится работа А. В. Луначарского «Очерки марксистской теории искусства» с дарственной надписью «Великому мастеру Ил. Еф. Репину 24/VII-1926 г. А. Луначарский. Москва». «Очерки» были пересланы Репину тем же Павлом Безруких.

«А я принялся читать Луначарского и удивлен, за что его ругают? А у него очень много интересного в „Критических этюдах“, особенно о Горьком... Вообще у него очень много хорошего и большая смелость и оригинальность в мыслях. Вообще в новой литературе теперь так много талантливости, совсем неожиданно. Да, Россия еще жива»².

Именно в это время у художника возникло намерение написать портреты А. В. Луначарского и президента Академии наук СССР А. П. Карпинского. Настигавшие его дряхлость и болезни заставили отказаться от этого намерения.

Но художественное воображение Репина продолжало работать, и у него возникали новые и новые замыслы. Так, в 1926 году Репин даже посылает своего сына Юрия в Ленинград с тем, чтобы тот, по эскизу отца, написал картину «Самодержавие», которая должна была рассказать о расправе царского правительства с революционе-

---

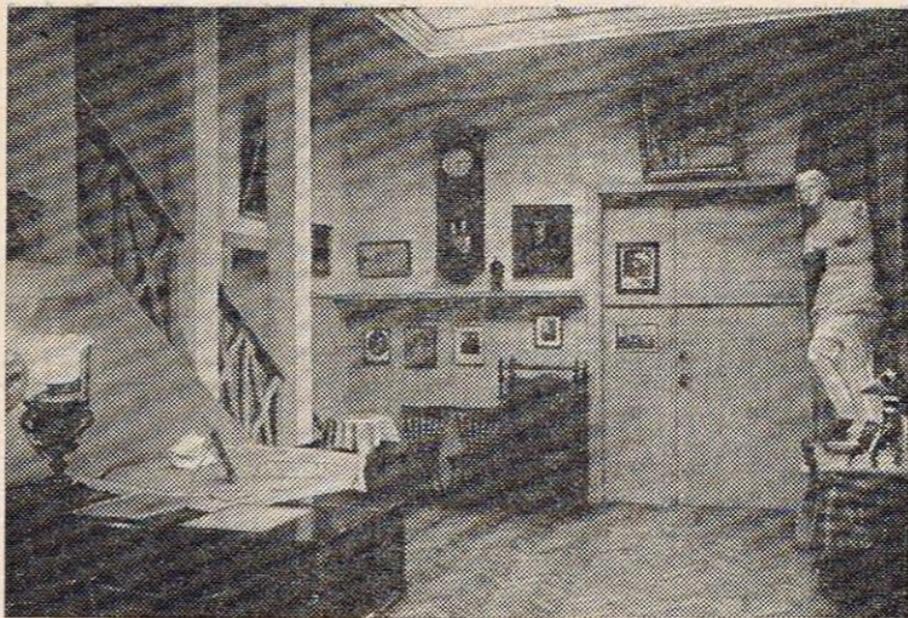
¹ Письмо И. Е. Репина к П. Е. Безруких от 20 июля 1926 г. «Неделя» (приложение к газете «Известия»), 1962, № 49, с. 6.

² Письмо И. Е. Репина к К. И. Чуковскому от 8 февраля 1927 г. Цит. по кн.: *Чуковский Корней. Репин* (Из моих воспоминаний). М., 1958, с. 67.

рами. Одним из эскизов в этой картине, возможно, является небольшое полотно «Гибель самодержавия» (хранится в «Пенатах»), где изображен взрыв и падающий вместе с царем трон.

В последние годы жизни в «Пенатах» Репин то принимал приглашение и собирался на Родину, то снова откладывал свой отъезд, но постоянно интересовался всем, что происходило в России, и продолжал оставаться русским подданным.

Многие портреты, картины, которые он намеревался писать, но так и не осуществил своего замысла, предназначались им для Советской России.

ГОСТИНАЯ

Когда Репин окончательно переселился в «Пенаты», здесь стали бывать у него все, с кем он был ранее дружен в Петербурге, его товарищи — передвижники, писатели, музыканты, те, чье творчество, как и творчество самого Репина, было знаменательно для русской культуры второй половины XIX века.

Однако в «Пенатах» бывали не только старые друзья художника, но и представители самых различных кругов русской интеллигенции начала нового века. Наряду с Горьким, Сергеевым-Ценским, Куприным, Андреевым появлялись в репинском доме даже футуристы. Хотя

Репин и не сочувствовал последним, всех он стремился понять, определить свое отношение к тому новому, что возникало в литературе и искусстве.

Для людей, приехавших в «Пенаты», сам художник продолжал оставаться притягательным центром. Он был тем человеком, которого хотелось посвятить в свои замыслы, познакомить с новинками литературы, музыки, науки. От него всегда можно было услышать страстный, часто резкий, но, бесспорно, искренний отклик.

Репин по-прежнему много, не щадя сил, работал, но один день в неделю, среду, он отдавал своим друзьям. Правда, и первую половину приемного дня он все-таки проводил в мастерской, но к трем часам, когда начинали съезжаться гости, Репин спускался вниз, чтобы встретить их. Появление каждого нового гостя доставляло ему много радости. Он бывал оживлен, тщательно одет и, несмотря на преклонный возраст, сохранял артистическую внешность. В его шевелюре было уже немало седых волос, но Репин оставался подвижным и бодрым.

Гостиная, где собирались по средам, отличалась от обычно нарядных петербургских гостиных простотой своего убранства и непритязательностью. Главным ее украшением были картины — работы учеников и друзей Репина.

При входе обращает на себя внимание слепок со знаменитой статуи Венеры Милосской (гостиную иногда называли «комнатой Венеры»). Эта комната в обычные дни служила кабинетом Наталии Борисовны Нордман-Северовой, рабочий столик которой находился в углу, возле статуи.

Здесь всегда стоял рояль. Возле него на стене висит фотография молодого А. М. Горького с надписью: «Илье Ефимовичу Репину от Горького на память».

Репин познакомился с Алексеем Максимовичем в 1899 году во время первого пребывания писателя в Пе-

тербурге. Горький тогда привлек всеобщее внимание своими полными романтизма произведениями, прославлявшими нового героя, которого он нашел в среде отверженных. «Дай бог Вам,— писал Репин ему в 1899 году,— продолжать как начали. Вытаскивать из-под спуда поддонную силу жизни русской, в которую мы плохо верим потому, что не знаем ее и не имеем способности видеть,— это миссия писателя. За эти откровения, представленные в такой заманчивой поэтической форме, мы и любим и ценим его по мере сил и способности нашей разуметь»¹.

Тогда же, в Петербурге, Репин немедленно принялся писать портрет Горького, однако не закончил, так как Горький должен был уехать.

Репин в своих письмах постоянно интересовался, над чем работает писатель, и ясно, что все, написанное Горьким, немедленно прочитывалось художником.

Дружба Горького и Репина особенно укрепилась в 1904 году, когда Горький и М. Ф. Андреева поселились в Куоккале, на даче Эрстрема. Мария Федоровна Андреева была известной актрисой. В то время мало кто знал, что она участвовала в деятельности большевистской организации, переписывалась с В. И. Лениным.

В 1904—1905 годах Горький часто бывал в «Пенатах», где он впервые встретился со Стасовым. «...Мы втроем,— писал Стасов,— (Реп[ин]), Горьк[ий] и я) гуляли по громадному саду M-lle Нордман (с прудами, мостиками, террасами, беседками на вышках), и тут произошло наконец большущее мое знакомство с Горьким»². Далее, описывая Горького, Стасов награждает его эпитетами: «прехороший», «преинтересный», «преотличный».

---

¹ Цит. по кн.: *Зильберштейн И. С.* Репин и Горький. М.—Л., 1944, с. 22.

² Там же, с. 41.

Эту встречу запечатлел фотограф К. Булла на шестнадцати снимках. Он сфотографировал Горького, Стасова и Репина на дорожках парка и возле дома. Булла снял также момент, когда Горький читал Стасову свою рукопись. Эта фотография находится сейчас на зимней веранде.

Снова, как и при первом знакомстве, Репин захотел написать портрет Горького. Летом 1905 года им был приготовлен большой холст, зимняя веранда превращена в мастерскую. На высокой подставке, в мягком кресле, которое и сейчас можно видеть на веранде, устроилась М. Ф. Андреева, а рядом, на подоконнике, положив ногу на ногу и подперев подбородок рукой, сидел А. М. Горький. Сохранилась фотография, запечатлевшая эту группу и самого Репина, который уже наметил углем рисунок на холсте. Но Горький вновь не смог позировать, и Репину пришлось отказаться от намерения создать двойной портрет. Им был написан только портрет Марии Федоровны в кресле, на фоне зеленого сада. Но Репин все же тем же летом рисовал Горького читающим в кругу друзей только что законченную пьесу «Дети солнца». Репродукция этого рисунка висит при входе на зимнюю веранду. На рисунке на первом плане — старый и седой В. В. Стасов, Горький с маленькой бородкой, которую он отпустил во время заключения в Петропавловской крепости, далее Ф. Д. Батюшков, Н. Г. Гарин-Михайловский. Фигура человека, сидящего позади, только намечена — это А. И. Куприн. Он в 1905 году бывал в Куоккале у Горького и Репина.

Несмотря на то что в эту пору Репин общался со многими интересными людьми, Горький был для него тем человеком, влияние которого оказалось наиболее глубоким. Репин захвачен революционными событиями 1905 года, увлечен личностью писателя, и это тотчас же находит выражение в его работах.

Представление о том, что волновало тогда всех и что обсуждалось на репинских «средах», могут в какой-то мере дать репинские альбомы с автографами гостей. Так, например, на одном из листов (копия его лежит на рояле), мы читаем: «Красота и искусство — вот религия будущего. Мария Андреева. 1905 — 8 июня». Рядом с автографом Андреевой А. Тихонов (Серебров) записал слова горьковского Сатина из пьесы «На дне»: «Человек — вот правда».

В центре листа профильный рисунок человека с безвольно согнутой шеей и отвисшей губой — таким художник В. Каррик изобразил Николая II. Под рисунком надпись: «Кто сей урод?» Это написано Горьким.

Репин, как честный гражданин, не мог оставаться равнодушным к судьбе своего народа. Тогда же им были начаты картины: «У царской виселицы», «Красные похороны», «Разгром демонстрации». В этих произведениях он, как всегда, открыто и смело выступает против насилия, против самодержавия. (Картины эти были подарены художником Советской России и находятся сейчас в Музее Великой Октябрьской социалистической революции в Москве.) Несколько позже Репин создает рисунок «Мольба о конституции» и эскиз картины «17 октября 1905 года», в которых отражены наивные мечты либеральной интеллигенции о конституции и Государственной думе, о «разуме» и «спокойствии в России», как писал Репин. Позже, в годы столыпинской реакции и правительственного террора, Репин одновременно с В. Короленко, Л. Толстым и Л. Андреевым выступал в печати, призывая к отмене смертной казни.

Почти ни одна «среда», ни одно собрание гостей в «Пенатах» не проходили без домашнего концерта. В. В. Стасов писал родным 20 июля 1905 года: «В воскресенье, 24, Репину минет 61 год. Я проведу у него почти весь день. Будет музыка и пение. Везу с собой Асафьева — аккомпа-

нироваться; петь будет «Детскую» Мусорьянина — прошлогодняя Madame Федорова. Будет и многое другое, например, Горький и его Мария Федоровна. Значит, все это вместе, пожалуй, будет хорошо»¹. Репин очень любил музыку и говорил, что тосковал, если подолгу не слушал ее. В ранней молодости, работая над дипломной картиной «Воскрешение дочери Иаира», он просил своего брата Василия (учившегося тогда в Петербургской консерватории) повторять ему снова и снова сонату Бетховена «Quasi una fantasia». «Эта музыка опять переносила меня к моему холсту. До бесконечности наслаждался я этими звуками... Какое это было счастье...»² — писал впоследствии Репин в автобиографической книге «Далекое близкое».

Знаменитая картина «Иван Грозный и сын его Иван» была создана под впечатлением программной симфонии Н. А. Римского-Корсакова «Антар». Особенно запомнилась художнику одна ее часть под названием «Мечь». «Эти звуки завладели мною, и я подумал, нельзя ли воплотить в живописи то настроение, которое создавалось у меня под влиянием этой музыки. Я вспомнил о царе Иване»³.

«О, музыка! Она всегда проникала меня до костей»⁴. В этом восклицании — весь Репин: эмоциональность его характера и все его отношение к искусству. Он дружил со многими композиторами и музыкантами. Но из всех, пожалуй, выделял своего любимого Мусорьянина — Модеста Петровича Мусоргского. В их творчестве было много общего, и Стасов писал Мусоргскому: «Репин нов и силен в живописи, покончил со старыми преданьями — точно Вы в музыке»⁵.

¹ Цит. по кн.: *Зильберштейн И. С.* Репин и Горький, с. 59.

² *Репин И.* Далекое близкое, с. 348.

³ *Художественное наследство. Репин*, т. I. М.—Л., 1948, с. 548.

⁴ *Репин И.* Далекое близкое, с. 434.

⁵ *М. П. Мусоргский. Письма и документы.* М.—Л., 1932, с. 481.

В старческие годы Репин, постоянно возвращаясь воспоминаниями к Мусоргскому, писал: «Меня, как натуру непосредственную, глубоко поражал этот гений...»¹

В «Пенатах», кроме сочинений Мусоргского, часто исполнялись произведения композиторов — членов «Могучей кучки», и как бы живым воспоминанием о ней был старый Цезарь Кюи.

Вероятно, бывал в «Пенатах» и композитор А. К. Лядов, так как в 1902 году Репин писал его портрет. Посещал этот дом и давний знакомый художника А. К. Глазунов. Правда, своей болезненно-тучной фигурой он уже мало напоминал того бледного и поэтического юношу, каким художник изобразил его в превосходном портрете 1887 года. Бывали у Репина виолончелисты А. Вержбилович, А. Пуни, скрипачки Маргарита Берсон, Цецилия Ганзен. Часто звучали произведения композиторов Скрябина, Рахманинова в исполнении Бориса Асафьева.

На стене, слева от рояля, висит ковер ручной работы, вышитый крестом по рисунку архитектора А. Л. Гуна. Это подарок Репину от певицы А. Н. Молас². «Какой ковер!!!!... — писал Репин 19 марта 1888 года А. Н. Молас. — Какие прелестные цвета! Сочетания! Все так гармонично, оригинально... Чудо! Знаете ли, решительно, это должно быть выставлено».

Сам Репин очень любил петь. Он не умел играть ни на одном музыкальном инструменте, кроме гитары, и часто настроение свое изливал в песне. В кругу друзей художника было принято петь хором, и, как вспоминает дочь Репина Вера Ильинична, он даже в день своего восьмидесятилетия пел друзьям старую украинскую песню. Среди замечательных певцов, бывавших в «Пенатах», можно назвать Федора Шаляпина и Ивана Ершова.

¹ М. П. Мусоргский. Письма и документы, с. 252.

² А. Н. Молас была пропагандисткой музыки Мусоргского. Ее портрет, исполненный Репиным, находится в Русском музее.

Репин преклонялся перед талантом Шаляпина. Он был счастлив, когда великий артист приезжал в «Пенаты». «...А я все три дня и две ночи, все в обществе Ф. И. Шаляпина»¹, — писал 14 января 1914 года Репин Н. Б. Нордман.

Сохранились воспоминания В. И. Репиной о пребывании Шаляпина в «Пенатах» в 1914 году: «Завтракали мы за круглым столом, Шаляпин своей могучей фигурой заполнял [комнату] ярко и выразительно, давая много жизни... прекрасно декламируя по-французски всю роль Сальери: он ехал петь эту оперу в Париж. И какое прекрасное произношение!»²

На одной из репинских «сред», когда в «Пенатах» были и Шаляпин и другие интересные гости — художники, актеры, писатели, Репин, как обычно, рисовал, увлекая других. «Папа, как всегда, пригласил всех рисовать, — пишет Вера Ильинична. — „Не теряйте даром драгоценное время, берите, господа, карандаши и бумагу и рисуйте...“ Рисовал и Федор Иванович, и очень хорошо. Много было сходства. Как помню, он сидел на одной из ступенек лестницы, ведущей в ателье (рисовали внизу), и схватывал прекрасно сходство, беря крупно рисунок головы»³.

Иногда в «Пенаты» приезжали друзья Репина — художники В. Поленов, А. Куинджи, Б. Кустодиев, И. Куликов, И. Бродский, В. Сварог.

Все они с удовольствием рисовали по вечерам на репинских «средах» вместе с гостеприимным хозяином. Кто-нибудь из присутствовавших позировал, или чаще делались быстрые наброски, дружеские шаржи. Много таких работ сохранилось у писателя Чуковского в его альбоме

¹ Научно-библиографический архив Академии художеств СССР, фонд И. Е. Репина, А-1, оп. 54, VII, к. 16.

² Научно-библиографический архив Академии художеств СССР, фонд И. Е. Репина, А-2, оп. 54, XVII, к. 8, лл. 6—7.

³ Там же, л. 8.

«Чукоккала», в котором часто рисовал и Репин. В «Чукоккале» же есть и рисунки В. В. Маяковского. Среди них дружеские шаржи на И. Е. Репина; ими искренне восхищался сам художник. Знакомству Маяковского и Репина в воспоминаниях Чуковского отведено большое место. «Какими запасами молодости,— пишет К. И. Чуковский,— должен был обладать этот семидесятилетний старик, чтобы, наперекор всем своим привычкам и установившимся вкусам, понять, оценить и полюбить Маяковского»¹.

На пенатских «средах» часто декламировали актеры В. Мичурипа-Самойлова, П. Самойлов, Л. Яворская и Г. Ге. Бывавшие в «Пенатах» писатели знакомили Репина со своими произведениями. Леонид Андреев читал здесь пьесу «Не убий». С. Сергеев-Ценский приносил написанные им рассказы. Н. Морозов делился воспоминаниями о долгих годах заключения в Шлиссельбургской крепости.

Над дверью, возле лестницы, ведущей в мастерскую, висит портрет Чуковского, исполненный И. Бродским в 1916 году. Чуковский жил тогда на границе двух поселков — Куоккала и Оллила (ныне поселок Солнечное). Он был дружен с Репиным и имел возможность близко, в повседневном быту, наблюдать великого художника и, что ценно, очень точно и ярко запечатлел его образ в своих воспоминаниях. В эти годы на дачу к Чуковскому приезжали многие молодые поэты. Бывая у Чуковского, Репин встречался с ними, приглашал в «Пенаты». Так, в октябре 1914 года Чуковский познакомил Репина с футуристами. «Они пришли к нему в Пенаты, учтивые, тихие, совсем не такие, какими были в буйных своих декларациях»².

Т. Л. Щепкина-Куперник была свидетельницей этой встречи и откликнулась на нее экспромтом:

Вот Репин наш сереброкудрый
— Как будто с ним он век знаком —

¹ Чуковский Корней. Репин (Из моих воспоминаний), с. 49.

² Там же, с. 48.

Толкует с доброотою мудрой
— И с кем? С Давидом Бурлюком.
Искусства заповеди чисты!
Он был пророк их для земли...
И что же? Наши футуристы
К нему покорно притекли!¹

В 1914—1915 годах бывали в гостях у Репина поэты Велемир Хлебников, Василий Каменский, и однажды приезжал в «Пенаты» юный Сергей Есенин.

Интерес к талантливым людям был свойствен и гостеприимной хозяйке дома Н. Б. Нордман.

Она происходила из обедневшей дворянской семьи (мать русская, отец — из обрусевших шведов, адмирал).

Образованная женщина, знавшая языки, она делала переводы, занималась писательской деятельностью (ее литературный псевдоним Северова). Ей принадлежит несколько романов («Беглянка», «Крест материнства» и др.) и пьес, не отличавшихся значительными достоинствами, но статьи ее и воспоминания («Интимные страницы») не лишены интереса.

Шумную известность получили увлечения Нордман вегетарианством и идеей раскрепощения прислуги. Она автор многих брошюр на эти темы, а ее «Поваренная книга для голодающих» выдержала четыре издания.

Общительная и деятельная женщина, она стремилась создать великому художнику, значение которого понимала, удобную для работы обстановку, уют и интересный отдых.

На рабочем столике, накрытом шелковой серой, в лиловую полоску, скатертью, которая сохранилась до нашего времени, можно видеть фотографии Репина и самой Нордман.

---

¹ Из альбома К. И. Чуковского «Чукоккала». Цит. по кн.: Художественное наследство. Репин, т. II, с. 281.

Слева на стене рисунок-портрет Н. Б. Нордман, выполненный Репиным с необыкновенной теплотой и проникновенностью в первые годы их знакомства.

По инициативе Наталии Борисовны зимой в «Пенатах» устраивались так называемые «воскресные чтения». Вот что пишет о них И. Е. Репин: «„Пенаты“, наш дом в Куоккала, почти десять лет исполнял миссию народного университета (разумеется, в крошечном виде). Каждое воскресенье в нашей гостиной читались публичные лекции по самым разнообразным знаниям: от астрономических законов Вселенной до питья сапогов, от чтения первоклассных писателей (особенно Некрасов оказался по сердцу нашей среде) до практических сообщений, в которых лекторами иногда выступали наши же слушатели и слушательницы наших аудиторий. Так, Васил[ий] Никол[аевич] Кипятков (дворник г. Башмакова) образцово прочитал со всеми препаратами лекцию о пчеловодстве... Публика была самая разнообразная: сидельцы, приказчики, дворники, кухарки, горничные, фермеры и пр., начиная с 10 лет, и даже моложе, до 60-летних. Ни перед кем не запиралась большая комната... всегда была битком набита и поражала лекторов необычным вниманием. Лекторы воодушевлялись замиравшей аудиторией и читали особенно вдохновенно, не замечая духоты... Здесь читали И. Р. Тарханов (о долголетию), Е. П. Семенов (о мире), Н. А. Морозов (о химии и астрономии), К. И. Чуковский (о литературе). ...Летом лекции читались в саду, где кончались пением народных фабричных песен, частушек... и танцами»¹.

Иногда лекции переносились в летний театр — простое деревянное здание на берегу моря в поселке Оллила. Помещение это было приобретено Репиным для Нордман;

---

¹ Научно-библиографический архив Академии художеств СССР, фонд И. Е. Репина, оп. 54, П. А-1, к. 4, л. 6.

здесь она открыла детский сад для местных детей, который работал летом в дневное время.

В гостиной находятся работы учеников и друзей Репина. Над входом в кабинет — портрет его сына, художника Юрия Репина, написанный В. С. Сварогом. Портрет создан в 1915 году, и Репин восторженно отзывался о нем.

Над роялем — пейзаж одного из верных учеников Репина И. И. Бродского. В 1923 году Репин писал Бродскому: «Я с любовью смотрю на прелестный перл Вашей кисти — «Тюильри» и вспоминаю, как всегда с сердечным волнением встречал Ваши новые произведения...»¹ Во время Великой Отечественной войны этот пейзаж был утрачен, сейчас вместо него — «Лунная ночь» из собрания музея-квартиры И. И. Бродского.

Работа художника К. К. Первухина «Мостик в Венеции», подарок автора Репину, висит над столиком Нордман, «Зимний пейзаж» ученика Репина А. В. Скалона — над входом в столовую, а ниже, на двери, — фотография группы художников-передвижников, среди которых мы видим и Репина. Многие из товарищей приезжали к нему в «Пенаты». Как память об этой дружбе сохраняется в музее небольшой натюрморт («Ваза с цветами»), на котором поставили свои подписи И. Репин, В. Маковский, И. Прянишников, В. Поленов. Возле больших стенных часов одна из ранних работ ученика Репина — Валентина Серова. Это этюд, написанный с рыжей охотничьей собаки («Пиратка»).

Справа от входа на зимнюю веранду можно видеть работы чугуевских живописцев — первых учителей Репина.

Родина художника, город Чугуев Харьковской губернии, славился своими живописцами. Их картины произ-

---

¹ Цит. по кн.: *Бродский И. Мой творческий путь*. М.—Л., 1940, с. 124.

вели на юного Репина такое впечатление, что он до старости любил о них вспоминать и описал в книге «Далекое близкое».

По репинским описаниям были предприняты розыски. Многие из картин были найдены в Чугуеве и переданы затем академику И. Э. Грабарю для изучения. Грабарь считал, что место работам чугуевских живописцев в «Пепатах», и завещал их восстанавливавшемуся музею. Картины из Чугуева заняли почетное место в гостиной.

Вверху справа висит двойной портрет майора Куприянова с женой. Исполнен он художником И. Н. Шамановым. Репин вспоминал: «...в Чугуеве в то время был уже хороший выбор учителей. Более других мне нравился Шаманов»¹. Но учиться Репин пошел к художнику И. М. Бунакову, так как он был талантливее и еще потому, что у него учился Л. И. Персанов. В «Далекое близкое» мы читаем следующие строки: «Но Рафаэлем Чугуева был Леонтий Иванович Персанов... Особенно хороши были его портреты хозяина и хозяйки дома — Нечитайловых; написанные с натуры — груши, но еще лучше — профиль Якова Логвинова. Это было по колориту нечто высокохудожественное»².

Сейчас небольшие портреты Персанова висят в гостиной. Среди них парные портреты супругов Нечитайловых, тот самый профиль Якова Логвинова, которым так восхищался Репин, а также портрет мальчика на берегу реки. Работы эти, написанные в середине прошлого века, отличаются необычайной тонкостью колорита (к сожалению, они сильно пострадали от времени).

В середине нижнего ряда помещен небольшой этюд самого Репина, изображающий дом, в котором он жил в Чугуеве. Отсюда девятнадцатилетним юношей будущий

---

¹ Репин И. Далекое близкое, с. 104.

² Там же, с. 105.

художник уехал в Петербург, мечтая об Академии художеств.

В Петербурге он снял дешевую комнату на Малом проспекте Васильевского острова. В гостиной, справа от двери, возле лестницы в мастерскую, висит небольшой акварельный портрет пожилого рыжебородого мужчины в синем халате. Это квартирный хозяин Решина — архитектор Александр Дмитриевич Петров.

«На пороге появилась робкая фигурка в халатике с меховой оторочкой, рыжего, с бородкой, очень скромного, симпатичного человека»¹ — так описывает Репин свое знакомство с Петровым в книге «Далекое близкое». Таким же мы видим его и на этом маленьком, превосходно написанном портрете. Петров старался помочь молодому Репину советом и делом. Он познакомил его с семьей своих родственников Шевцовых, у которых было двое сыновей, сверстников Решина. Один из них был учеником Академии художеств. Вскоре они подружились, и Репин переехал в квартиру Шевцовых. Там он написал портрет смуглой темноглазой девочки — сестры Шевцовых Веры, которая через несколько лет стала его женой (свадьба состоялась по окончании Репиным Академии художеств).

Под большими репинскими часами акварельный автопортрет Веры Алексеевны (1855—1917). Она немного занималась живописью, хотя не получила художественного образования. В автопортрете можно найти много погрешностей в рисунке. Он сделан несмелой рукой, но с чувством, довольно тонким пониманием цвета и хорошо уловленным сходством.

В первые годы Репин был счастлив в семейной жизни с Верой Алексеевной, но впоследствии их отношения испортились, и они расстались. Этот разлад, видимо, сказался и на воспитании детей. Их было четверо.

---

¹ Репин И. Далекое близкое, с. 127.

На фотографии, рядом с автопортретом, Репин с детьми. Справа — старшая дочь Вера (1872—1948), слева — вторая, Надежда (1874—1931), затем сын Юрий (1877—1954) и младшая дочь Татьяна (1880—1957).

Репин любил своих детей, и особенно Веру, очень на него похожую внешне, но дети доставляли ему много огорчений.

Если сам Репин был великим тружеником, то дети, несмотря на все его старания, выросли людьми, не способными довести до конца однажды начатое дело. В письмах Репина часто звучат горькие слова упрека: «И все вы упорно ничего не ищете, никакого труда, никаких обязанностей не хотите взять на себя... и еще растите и готовите в такие же *бедные*, обиженные судьбою интеллигентки *сомнительного* образования, и — никакого *гражданского*, ни *духовного* воспитания»¹. Последнее уже о внучке Тасе, дочери Татьяны.

Сын Репина Юрий учился в Академии художеств. Он был способным живописцем, некоторые его картины получили награды на выставках. Но, человек со странностями, психически неуравновешенный, он писал в основном картины-видения, картины-сны. Среди большого количества работ, оставшихся после него, есть талантливые. Например, «Пейзаж», который висит в гостиной над дверью на зимнюю веранду. Но в большинстве случаев хорошо начатые этюды завершить он не мог и ничего значительного так и не создал.

Вера Ильинична никак не могла найти подходящего занятия, хотя Репин охотно поддерживал любые ее начинания. Она мечтала об актерской деятельности — он помог ей устроиться на сцену Александринского театра; она пробовала петь — он предоставил ей возможность учиться пению; она стала заниматься рисованием — Репин работал

¹ ГРМ. Секция рукописей, ф. 119, ед. хр. 2, лл. 45—46.

с ней в своей мастерской. Но все это ничем не кончалось, и тогда Репин, разочарованный, писал ей: «Подумай, Вера, серьезно, еще не *поздно*, для *тебя*... и постарайся, изо всех сил, взяться за полезную деятельность»¹. Несколько позже он обращается к ней более сурово: «Надо не иметь совести, чтобы вечно жить бесполезным трутнем и болтаться *по чужим дворам!* Это позорная профессия — *приживалки* — опомнись. Это разврат души и баловство»².

Но Вера Ильинична так и не занялась «полезной деятельностью».

«Грустно, грустно думать, какая будущность вас ждет, когда меня не станет»³, — писал Илья Ефимович Репин своим детям.

И действительно, после смерти отца они жили, в основном, тем, что поделили между собой и продали почти все работы Репина, которые к 1930 году еще оставались в «Пенатах». Картины и около двух тысяч рисунков художника разошлись по разным городам Западной Европы.

Дети Ильи Ефимовича остались за границей и умерли там, всей своей жизнью как бы оправдав слова Анатоля Франса: «Природа, истратившись на гения, отдыхает в его детях».

---

¹ ГРМ. Секция рукописей, ф. 119, ед. хр. 2, лл. 45—46.

² Там же, л. 50.

³ Там же, лл. 45—46.

ЗИМНЯЯ ВЕРАНДА

Восьмиугольная, увенчанная прозрачным шатровым перекрытием веранда почти на две трети стеклянная. Эта наиболее ранняя пристройка к дому (1904 г.) вначале служила Репину мастерской. Потом был надстроен второй этаж с удобной большой мастерской, а бревенчатая зимняя веранда обшита досками и окрашена.

Веранда, или, как ее часто называли, «киоск», пожалуй, самое светлое помещение дома, хотя и расположена в северной его части. «В нем светло, как в царстве неба»¹, — писал Репин своей ученице В. Веревкиной.

¹ Художественное наследство. Репин, т. II, с. 216.

Из широких стеклянных дверей зимней веранды проникает яркий свет в гостиную.

«Клюск» был одним из любимых уголков дома. Здесь принимали гостей, пили по утрам чай, а иногда, раскрыв двери и выдвинув из гостиной рояль, устраивали домашние концерты.

В 1930 году веранде было суждено стать местом, откуда Репина проводили в последний путь. Здесь стоял гроб с телом великого художника... Это помещение часто еще называли верандой бюстов, так как здесь вдоль окон стояли скульптурные работы Репина.

Еще в молодости, только поступив в Академию художеств, Репин решил, помимо живописи, заняться лепкой и стал посещать скульптурный класс, что принесло ему большую пользу как живописцу.

Многие художники XIX века обращались к скульптуре при решении композиций картин. Лепил свою «Тайную вечерю» Н. Н. Ге, делал скульптурные эскизы И. Н. Крамской, а Репин исполнил в глине фигурки запорожцев (они сейчас находятся в мастерской Репина) для своей картины «Запорожцы, сочиняющие письмо турецкому султану». Часто, работая над живописным портретом, Репин одновременно лепил свою модель. Так, в 1880 году он написал портрет С. И. Мамонтова и исполнил его бюст. Этот бюст находился в «Пенатах», но во время войны был утрачен.

На зимней веранде на прежних местах — три скульптурных портрета работы Репина. Самый ранний из них по времени создания (1881 г.) — бюст знаменитого русского хирурга Н. И. Пирогова. В 1881 году праздновался пятидесятилетний юбилей врачебной и научной деятельности Пирогова, и он приехал в Москву.

Репин добился разрешения писать Пирогова и в течение трех дней исполнил один из самых лучших своих портретов. Тогда же Репин сделал наброски и для бюста

хирурга. Когда на 10-й Передвижной выставке в 1882 году художник показал оба портрета Пирогова, то некоторые критики находили, что скульптурный портрет наиболее удачный.

«...Бюст чуть не дышит», — писал редактор «Художественного журнала» Н. Александров.

Пожалуй, никто из художников так много не рисовал и не писал Толстого, как Репин. Увлеченный этой гениальной личностью, он стремился запечатлеть все, что ему было дорого в Толстом. В 1891 году в Ясной Поляне Репин вылепил бюст Л. Н. Толстого. По этому поводу писатель сообщал Н. Н. Ге: «Репин писал с меня в комнате и на дворе и лепил, и Гинцбург лепил и еще лепит. Репина бюст кончен — чист и хорош, а Гинцбурга до сих пор нехорош»¹. Бюст Толстого нравился не только писателю, но и его жене Софье Андреевне, которая находила его самым похожим из всех.

Здесь же стоит еще одна скульптура И. Е. Репина — портрет Нордман-Северовой. Он вылеплен в 1902 году.

Несмотря на некоторую идеализацию внешности Наталии Борисовны, Репин сумел очень точно передать ее независимый характер. По мастерству и проникновенности этот бюст можно отнести к лучшим скульптурным портретам Репина.

В 1907—1908 годах Репиным был вылеплен еще один женский портрет — Е. П. Тархановой-Антокольской. Жена известного физиолога И. Р. Тарханова, племянница скульптора М. М. Антокольского, она сама была талантливым скульптором-любителем. И в то время, как Репин исполнял ее портрет, Тарханова работала над бюстом Репина. Этот своеобразный сеанс одновременной лепки был запечатлен фотографом, а также художником К. Я. Крыжицким на небольшом этюде, который сохранился и

---

¹ Художественное наследство. Репин, т. II, с. 381.

экспонируется в зимней мастерской. Местонахождение этих работ Тархановой-Антокольской и Репина в настоящее время установить не удалось.

В 1880 году в Абрамцеве известным живописцем Виктором Васнецовым был выполнен скульптурный портрет Репина, который находится сейчас на зимней веранде. Работа удачная, она считается единственным произведением Васнецова в скульптуре. Портрет очень понравился самому Репину, так как Васнецову удалось передать то настроение романтической приподнятости, которым охвачен был Репин в пору расцвета своей творческой деятельности.

На небольшом возвышении стоит мягкое кресло, обитое синим вельветом. В нем позировали Репину М. Ф. Андреева, Н. Б. Нордман-Северова, писатели Л. Н. Андреев, В. Г. Короленко, актер П. В. Самойлов, ученый В. М. Бехтерев и другие.

С веранды открывается чудесный вид в парк, привлекательный всегда — и зимой и летом.

СТОЛОВАЯ

Из гостиной мы можем пройти в столовую — просторную комнату с большим окном, выходящим в сад. Стены столовой почти сплошь заполнены произведениями самого художника, главным образом портретами близких ему людей. Здесь, в кругу друзей, в веселой, непринужденной атмосфере проходили знаменитые репинские обеды. Живой обмен мнениями по самым актуальным вопросам, перемежавшийся шутками и остроумными речами, — все это надолго оставалось в памяти тех, кто бывал здесь. Не случайно почти во всех воспоминаниях значительное

место уделялось столовой и тому необычному ритуалу обедов, который являлся своеобразным протестом против общепринятого шаблона приемных дней в буржуазных домах.

Первое, что привлекало внимание гостей при входе в столовую, был круглый, оригинальной конструкции стол, стоявший посередине. Как и некоторые другие предметы обстановки, он был сделан по заказу Нордман (выполнил его финский столяр Пекко Ханекайнен в 1909 году). «Как только возникла идея раскрепощения прислуги, — писала Нордман, — на первую же очередь сам собой выдвинулся вопрос относительно обеденного стола, вокруг которого не стало бы больше унижительного для обедающих прислуживания посторонних людей. И вот, после долгих проб разных систем и их усовершенствований, возник большой круглый стол, на двадцать персон»¹. Действительно, своеобразная конструкция этого стола позволяла не только обходиться без прислуги, но и не пользоваться помощью соседа. Каждый мог и должен был обслуживать себя сам. Достаточно было повернуть за одну из ручек центральную часть стола, чтобы пододвинуть к себе любое блюдо. Чистая посуда стояла тут же, а использованную гости складывали в нижние выдвижные ящики. Часть пенатского сервиза можно и сейчас видеть здесь, в столовой.

Как уже говорилось, подлинный стол не сохранился, и в 1962 году он был сделан заново.

Как правило, обедали в большой столовой только по средам, когда в «Пенатах» собирались гости. Обычно к обеду оставались только близкие знакомые (столовая не смогла бы вместить всех, кто приходил к Репину в этот день). В шесть часов вечера раздавались мелодичные удары гонга, и под звуки органчика (небольшого му-

---

¹ Научно-библиографический архив Академии художеств СССР, фонд И. Е. Репина, А-23, оп. 54, X, л. 23.

зыкального ящика) все входили в столовую. У маленького стола с хлеборезкой каждый брал себе хлеб (этот стол не сохранился). Еще в гостиной, по жребию, каждый определял свое место за столом. Тот, кому доставался первый номер, становился председателем круглого стола, он занимал деревянный резной стул с высокой спинкой и должен был снять крышки с кастрюль с кушаньями, которые уже стояли на центральной части стола. Их перед приходом гостей сама хозяйка дома вынимала из «волшебного сундука». Этот «волшебный сундук», выписанный Нордман из Дрездена, выполнял функции термоса и стоял у окна в столовой. В нем кушанья не только сохранялись долгое время горячими, но и доваривались после того, как они были сняты с плиты. В лекциях о раскрепощении прислуги рассказ о «волшебном сундуке» играл не последнюю роль. Иногда его даже демонстрировали во время лекции.

Сохранилось несколько карточек — меню репинских обедов. Одну из них (10 августа 1911 г.) можно видеть на столе. На карточке напечатаны шуточные «Правила круглого стола». Так, например, председатель должен был важничать... Но в основе правил лежал тот же принцип самопомощи, за нарушение которого налагался штраф. Виновный должен был произнести экспромтом речь со специальной трибуны, расположенной в углу столовой. При чем речь должна была быть обязательно на злободневную тему и, как тогда говорили, с «идеей». Личные тосты не разрешались. «Чем больше было провинившихся в нарушении пенатских уставов, — вспоминает К. А. Морозова, жена шлиссельбуржца Н. А. Морозова, — тем обед выходил веселее, особенно когда попадали на новичков, первые приехавших в Пенаты»¹. Однако не только новички давали повод к веселью и шуткам. Попадались и завсег-

¹ Художественное наследство. Репин, т. II, с. 250.

датаи круглого стола. Гости старались обычно подвести под нарушение правил К. И. Чуковского, сочинявшего остроумные экспромты.

Меню в «Пенатах», как известно, было строго вегетарианское, особенно при Нордман. На стол подавались вкусно приготовленные овощи и фрукты, а также блюда из различных трав. Из так называемого «сена» варились супы и жарились котлеты. Нордман не только сама придерживалась вегетарианства, но была его неутомимой проповедницей. Она искренне верила в то, что вегетарианство спасет Россию от голода, пропагандировала его не только у себя за столом, но и выступая с публичными лекциями, статьями. Женщина увлекающаяся, фанатически преданная своим наивным идеям, она невольно вносила в жизненный уклад «Пенатов» известную долю анекдотичности и даже рекламной шумихи, что, к сожалению, давало повод желтой прессе изощряться в остроумии, описывая репинские приемы. Сам же Репин не придавал значения писаниям этих журналистов, а к затеям Нордман относился шутливо-иронически и после ее смерти многого уже не придерживался. Не обращали внимания на выходки прессы и те, кто приезжал в «Пенаты», так как их привлекал сюда сам художник, его живой ум, талант. И часто, как это бывает во время интересных бесед, гости даже не замечали угощения. «Был ли за обедом знаменитый „борщ из сена“, — я не помню, — писал Д. Бурлюк, — ибо внимание было занято разговорами»¹.

Хозяева «Пенатов» стремились к тому, чтобы все за столом чувствовали себя свободно и непринужденно. Репин поддерживал любую беседу, бурно выражал восторг, иногда предавался воспоминаниям, а главное, был естественным в общении с людьми.

---

¹ Художественное наследство. Репин, т. II, с. 281.

Все было просто нестерпимо.
И в простоте великолепен
Сидел Илья Ефимо-
вич великий Репин —

так закончил свое шутливое стихотворение на одном из обедов в 1914 году поэт Василий Каменский¹. За столом звучали не только экспромты. «Помню,— пишет К. И. Чуковский,— как в столовой у Репина за круглым столом Владимир Владимирович [Маяковский] стоит во весь рост и читает свою поэму „Война и мир“ (не всю, а клочки и отрывки; она еще не была в ту пору закончена), а Репин стопет от восхищения и выкрикивает свое горячее „браво!“» В этот день в столовой была сделана фотография (она лежит на столе), на ней мы видим В. В. Маяковского (стоит второй справа), рядом с ним К. И. Чуковского, далее режиссера и театрального деятеля Н. Н. Евреинова, певицу А. Л. Андрееву-Шкилондзь и самого художника.

Как вспоминает А. М. Комашка, Евреинов был кумиром общества на «средах». «Импровизациям, поразительным по разнообразию и оригинальности выдумкам, парадоксам и шалостям... у Евреинова не было конца». Не уступал ему, пожалуй, только Чуковский, остроумный, жизнерадостный, вносящий веселье в любое общество.

Стены столовой, как и прежде, украшены произведениями Репина, созданными в различные периоды его жизни. Раньше картин здесь было значительно больше, художник часто менял их, некоторые продавал, дарил, а на их месте появлялись новые. Так, долгое время в столовой висел портрет Е. Н. Званцевой, с которым у него были связаны воспоминания о сильном увлечении этой женщиной. Были здесь когда-то портрет Нордман в

---

¹ Каменский В. Путь энтузиаста. Автобиографическая книга. Пермь, 1968, с. 179.

тирольской шапочке, написанный в 1900 году, автопортрет с Нордман (1903 г.) и другие. Среди картин, которые мы видим сейчас в столовой, есть и ранние работы, созданные Репиным еще в Чугуеве, и произведения последних лет.

Справа, у буфета, висит акварель «Бандурист» (1859 г.), выполненная юным Репиным, вероятно, под впечатлением картины «Бандурист» работы чугуевского живописца Я. Логвинова.

Слева, у изразцовой печи, находится небольшой портрет рыжеволосой девочки, вяжущей на спицах. На обороте имеется полустертая надпись, выведенная неуверенно рукой: «снимал Илья Ефимыч Анюту Петрову 20 л.» Это произведение было, вероятно, создано Репиным вскоре после приезда в Петербург, в 1864 году. Написанное со знанием формы и цвета, оно свидетельствует о том, что Репин приехал учиться в Академию художеств, имея уже навыки в живописи.

Рядом с этой картиной — пейзаж «Нормандия» (без подписи и даты). Он мог быть написан Репиным во время пребывания в деревне Вель, расположенной на побережье Атлантического океана, где он вместе с другими русскими художниками (В. Поленовым, К. Савицким) провел лето 1874 года. Здесь Ильей Ефимовичем было создано много пейзажей. Однако в настоящее время большинство их находится за границей. Сам художник придавал большое значение своей работе в Вёле, считая, что здесь он впервые по-настоящему начал писать на открытом воздухе.

Центральное место в столовой занимает портрет Н. Б. Нордман. Написан он в 1905 году во время их путешествия по Италии. Репин ценил в Нордман интеллектуальность, трудолюбие, ему импонировала ее писательская деятельность. И, как всегда, он сумел это выразить в картине. Репин изобразил Нордман как бы в момент

творческого раздумья. Портрет написан на балконе виллы на фоне желтеющей листвы сада. Исполненный широко и свободно, он является одной из лучших работ художника, хранящихся в коллекции «Пенатов».

В 1929 году, когда Репин решил продать этот портрет, он писал В. Ф. Леви — художнику, занимавшемуся организацией выставок произведений Репина в различных странах и реализацией его картин: «Посылаю Вам еще портрет Нат[альи] Борис[овны] Нордман. Мне, сказать правду, жаль продавать этот портрет, написанный на озерах Италии, в Фазано, но я надеюсь, Вы его продадите подороже»¹. Картина так и не была продана (вероятно, из-за высокой цены) и вернулась в «Пенаты».

Слева от портрета Нордман — картина, изображающая двух девочек, стоящих среди разбросанных игрушек. Это дочери Репина Вера и Надя. Портрет был написан в 1877 году, вскоре после возвращения Репина из Франции. Репин очень любил и часто писал своих детей. В этой работе прекрасно передано живое выражение детских лиц в минуту серьезности, когда их оторвали от игр, чтобы позировать отцу. Выдержанный в черно-белой гамме, портрет очень красив по колориту и не уступает многим детским портретам Репина, находящимся в Третьяковской галерее и Русском музее.

Эту картину Репин подарил своей внучке, в день ее рождения. На холсте надпись рукою художника: «Тасе на память 1902». (Тася — Татьяна Николаевна Язева, а в замужестве Дьяконова, — дочь Татьяны Ильиничны.)

Здесь же можно видеть исполненный пастелью портрет актера и режиссера Александринского театра Г. Г. Ге, племянника известного художника Н. Н. Ге. Он часто

¹ Художественное наследство. Репин, т. I, с. 244.

бывал в «Пенатах» и позировал Репину для картины «Пушкин на набережной Невы».

Ниже — маленький, написанный в парке, этюд-портрет И. П. Павлова. В 1920-х годах академик Павлов иногда проводил лето на даче в Келомякках (ныне Комарово) и тогда навещал Репина. В 1924 году Репин написал портрет Павлова в белом халате (Государственная Третьяковская галерея). Видимо, этюд из собрания «Пенатов» был исполнен в том же году.

Слева, на той же стене, небольшой портрет скульптора И. Я. Гинцбурга, написанный в 1907 году в «Пенатах». Он очень хорошо раскрывает характер скульптора — его живой ум, наблюдательность, выразившиеся не только в созданных им произведениях, но и в способности к артистическим перевоплощениям. Об этом его даре знал лишь узкий круг людей. Небольшие сценки, разыгрываемые Гинцбургом, приводили в восторг Л. Н. Толстого, В. В. Стасова. Репин познакомился с Гинцбургом, когда будущий скульптор был еще мальчиком, учеником Антокольского. Гинцбург был последним из старых друзей, навестивших Репина незадолго до его смерти.

Крайний слева на этой стене — портрет профессора Н. Ф. Денисюка — этюд к картине «Пушкин на набережной Невы».

Патриотическая тема эскиза картины «Клич Минина Нижнему Новгороду» (1876—1915 гг.) была навеяна событиями сербско-турецкой войны, в которой приняли участие многие русские добровольцы. Он начат был, как видно из подписи, еще в 1876 году в Чугуеве, откуда художник специально ездил в Нижний Новгород. Возможно, что в дальнейшей работе над картиной сказалось влияние Сурикова, с которым Репин близко сошелся уже в годы пребывания в Москве. Однако Репин так и не смог закончить картину, хотя и написал два варианта (второй

вариант находится в Астраханской галерее)¹. В пенатском эскизе есть хорошо написанные отдельные части, но в целом композиционно он не решен.

В нижнем ряду эскиз «Встреча войск» (конец русско-турецкой войны) — эскиз беглый, но очень красочный, живописный, в нем намечена основная мысль художника. «Мне хочется написать встречу войск, — писал Репин Стасову 14 октября 1878 года, — ведь превосходная тема, да и представляется она мне великолепно!.. Бронзовые лица солдат смешались с публикой, родными и знакомыми, на лицах восторг, радость, кругом цветы, на штыках букеты, и целый дождь букетов сыплется из окон, везде приветы, публика всяких слоев и всяких костюмов смесь! Живописно! восторг! непременно сделаю картину!.. Только сегодня мог я набросать эскиз, выходит свежо, красиво и жизненно!..»²

Репин так и не осуществил свой замысел. Причиной тому было, как предполагает И. С. Зильберштейн, появление рисунка Крамского на этот же сюжет. Крамской, в противоположность Репину, изобразил не только радость встречи, но и горе тех, кто потерял близких.

Этюд неправильно датирован Репиным (на картине его рукой поставлена дата: «И. Репин. 1877 г.»). Дело в том, что многие свои работы, хранившиеся в «Пенатах», художник подписывал в последние годы, по настоянию своих детей, и при этом мог ошибиться.

Пейзаж «Пруд в Пенатах», написанный в темных тонах, казалось бы, говорит о полном упадке творчества художника. Но Репин заставляет нас отказаться от этой мысли, когда мы обращаемся к портрету Веры Ильиничны

---

¹ Эскиз был куплен у Репина коллекционером и душеприказчиком Нордман Н. Д. Ермаковым в 1914 году. После революции он попал в Государственный Русский музей, откуда был передан в 1940 году «Пенатам».

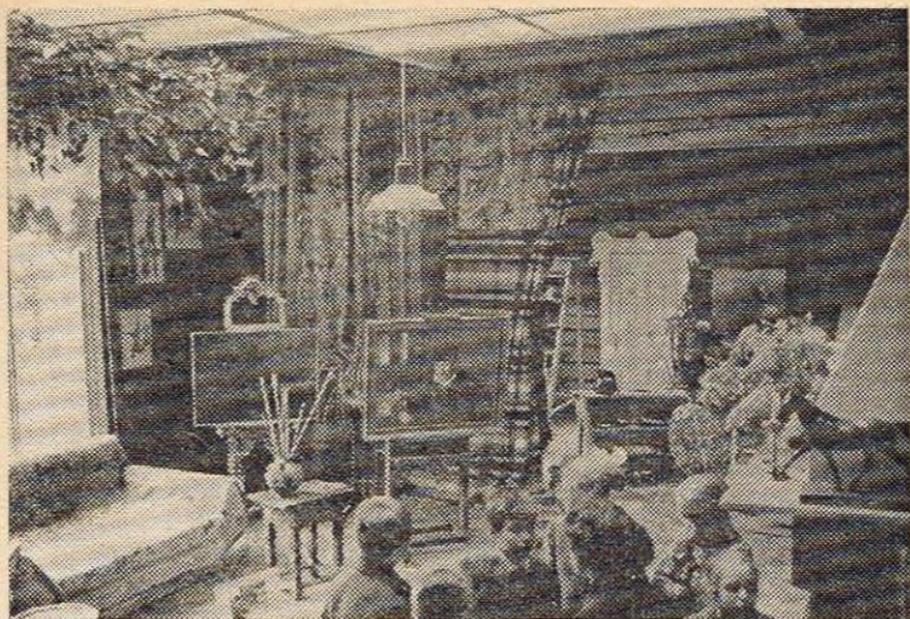
² Художественное наследство. Репин, т. I, с. 402.

Репиной, исполненному в 1926 году литографским карандашом (находится в простенке у трибуны). Этот портрет еще раз свидетельствует о неувядаемом таланте Репина — блестящего рисовальщика и портретиста-психолога. Несмотря на привязанность к своей дочери, художник остался верен правде и раскрыл ее непривлекательный внутренний облик.

В конце 1920-х годов, когда Репин был уже настолько слаб, что не мог подниматься на второй этаж, столовая служила ему одновременно и спальней и мастерской. Между трибуной и печью, отгороженный ширмой, стоял диванчик, где он спал.

До последних лет Репин придерживался строгого распорядка дня. Вставал он, как вспоминает Вера Ильинична, в 7 часов 30 минут, прогуливался по парку и пил воду из колодца. Оставаясь верным привычке все делать самому, он утром, пока в доме все еще спали, размалывал кофе, варил его в кухне и завтракал. После обеда кто-либо из родных читал ему вслух (чаще всего это делал племянник Репина — Илья Васильевич).

5 августа 1930 года, в день 86-летия, Илья Ефимович в столовой в последний раз принимал своих гостей. Он был очень оживлен и весел. Одна из фотографий 1930 года запечатлела Репина сидящим за круглым столом. В этой комнате Репин умер 29 сентября 1930 года после непродолжительной болезни — гриппозного бронхита, перешедшего в воспаление легких.

ЗИМНЯЯ МАСТЕРСКАЯ

Узкая крутая лестница ведет на второй этаж, в мастерскую художника. Она была выстроена летом 1906 года, когда Репин уже намеревался отказаться от преподавания в Академии художеств и освободить свою мастерскую, расположенную в стенах Академии.

Как и все остальные пристройки дома, мастерская была создана по замыслу самого художника и при его непосредственном участии, и все здесь говорит о вкусах хозяина и его привычках.

Оформление этого помещения соответствует внешнему виду дома. Бревенчатые стены, резные наличники на

окнах и дверях, украшения лесенок — все это лишний раз свидетельствует о своеобразном использовании мотивов русской народной архитектуры. Отделка вполне отвечает назначению этого помещения, так как естественный цвет дерева — хороший фон для любой картины.

Мастерская занимает почти весь второй этаж. Она может быть разделена на три части портьерами. Но главное, что поражает в мастерской и что так важно для работы художника, — это обилие света, льющегося через стеклянный потолок и большие окна.

Стены мастерской всегда были заполнены этюдами и эскизами Репина. Художник обычно работал над несколькими картинами сразу, и в мастерской стояло всегда несколько мольбертов с укрепленными на них холстами. Случалось, что он долгое время не подходил к какому-нибудь из них, а затем месяцами работал не отрываясь.

Здесь, в мастерской, по словам Репина, он «проводил лучшие часы своей жизни». В эти часы художник забывал обо всем, они были подчас мучительны, тревожны. То он впадал в отчаяние от совершенных ошибок, то переживал восторг в минуту озарений. «...Искусство я люблю больше добродетели, больше, чем людей, чем близких, чем друзей, больше, чем всякое счастье и радости жизни нашей»¹, — писал он В. В. Стасову в 1899 году. Страсть к творчеству, к живописи владела им до конца дней.

«Утром, едва проснувшись, — вспоминает Чуковский, — [Репин] бежал в мастерскую и там истязал себя творчеством, потому что тружеником он был беспримерным и даже немного стыдился той страсти к работе, которая заставляла его от рассвета до сумерек, не бросая кистей,

---

¹ Репин И. Е., Стасов В. В. Переписка, т. III. М.—Л., 1950, с. 36.

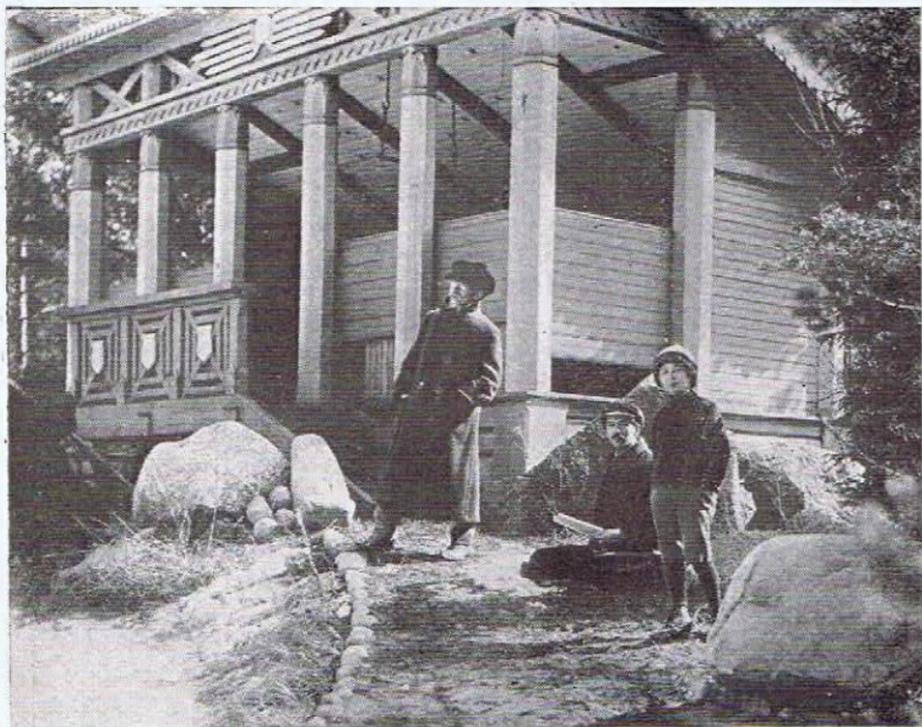
Дом И. Е. Репина в «Пенатах».

*И. Е. Репин в парке «Пенатов».
Фотография 1910-х гг.*

*Беседка «Храм Озириса и Изиды».
Фотография 1975 г.*

*И. Е. Репин и К. П. Чуковский с сыном Николаем у беседки
«Храм Озириса и Изиды».
Фотография 1912 г.*

*Березовая аллея в «Пенатах». ►
Фотография 1975 г.*

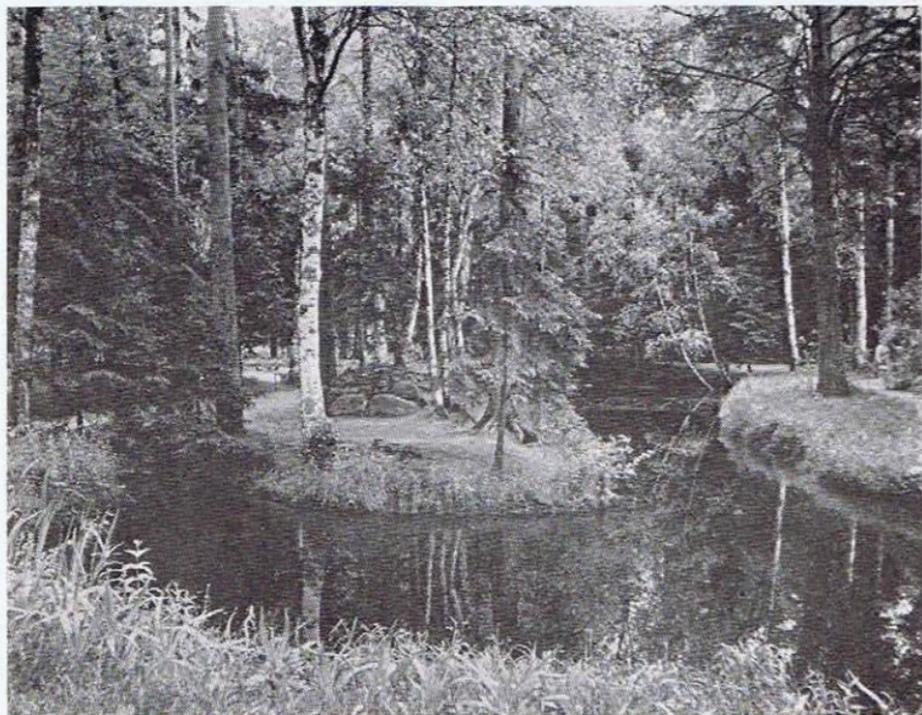

*Беседка «Башенка Шехерезады».
Фотография 1975 г.*

*Могила Репина.
Фотография 1975 г.*

— Парк «Пенатов».
фотография 1975 г.

Делегация советских художников у П. Е. Репина в «Пенатах». Сидят (слева направо): П. П. Бродский, П. А. Репина (жена Ю. П. Репина), В. П. Репина, П. Е. Репин, П. А. Радимов. Стоят: Ю. П. Репин, А. В. Григорьев, Е. А. Кацман.

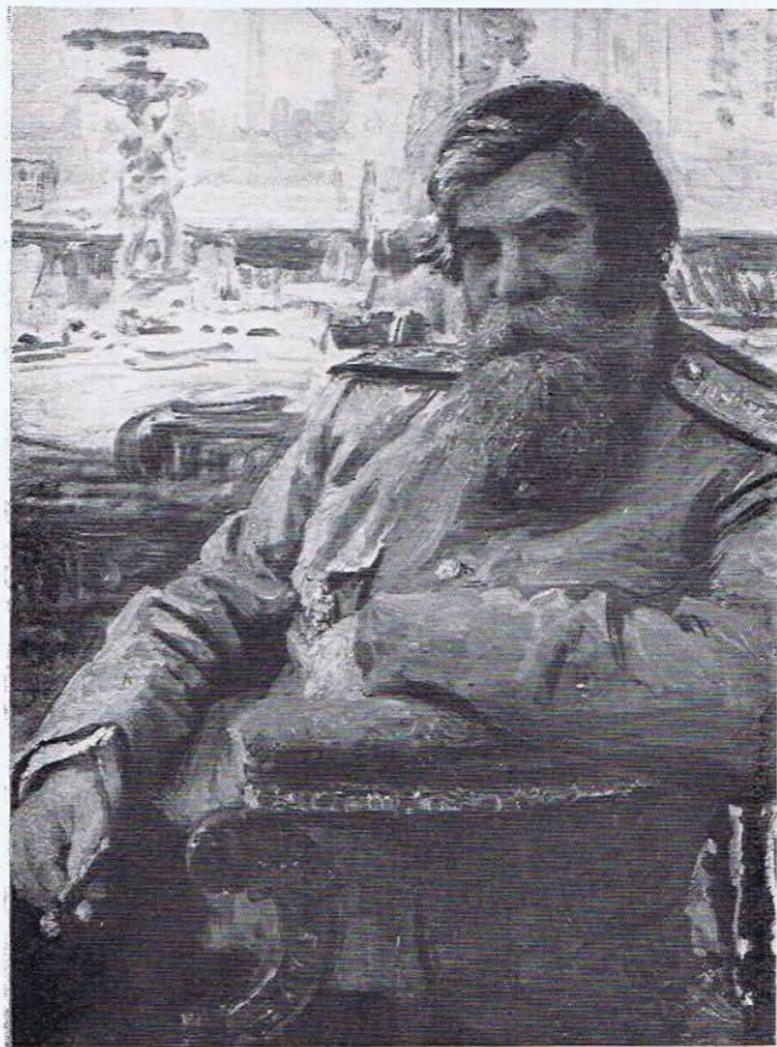
Фотография 1926 г.

Стол П. Е. Репина
в его кабинете.
Фотография 1975 г.

В. П. Репина (?).
П. Е. Репин слу-
шает радио
(1920-е гг.).

И. Е. Репин. Портрет В. М. Бехтерева (1913).

*П. Е. Репин в кабинете.
Фотография 1910-х гг.*

Автограф А. П. Чехова на первом листе пьесы «Чайка» (из библиотеки П. Е. Репина).

Мне Еремьеву Рапину на добрую
помянуть и (в знак) глубоком уважении.
от автор Федор Тиховъ 97/10

Ч А Й Н А.

Комедія въ 4 действияхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Констант Мух. 2/1

Нина Николаевна Аркадина, по мужу Треплева, актриса.

Константинъ Гавриловичъ Треплевъ, ея сынъ, молодой человѣкъ.

Петръ Николаевичъ Соринъ, ея братъ.

Нина Михайловна Зарѣчная, молодая дѣвушка, дочь богатаго помѣщика.

Илья Аванасьевичъ Шамраговъ, поручикъ въ отставкѣ, управляющій у Сорина.

Полина Андреевна, его жена.

Маша, его дочь.

Ворисъ Алексеевичъ Тригоринъ, беллетристъ.

Евсей Сергѣевичъ Дорно, врачъ.

Семенъ Семеновичъ Медвѣденко, учитель.

Яковъ, работникъ.

Поварь.

Горничная.

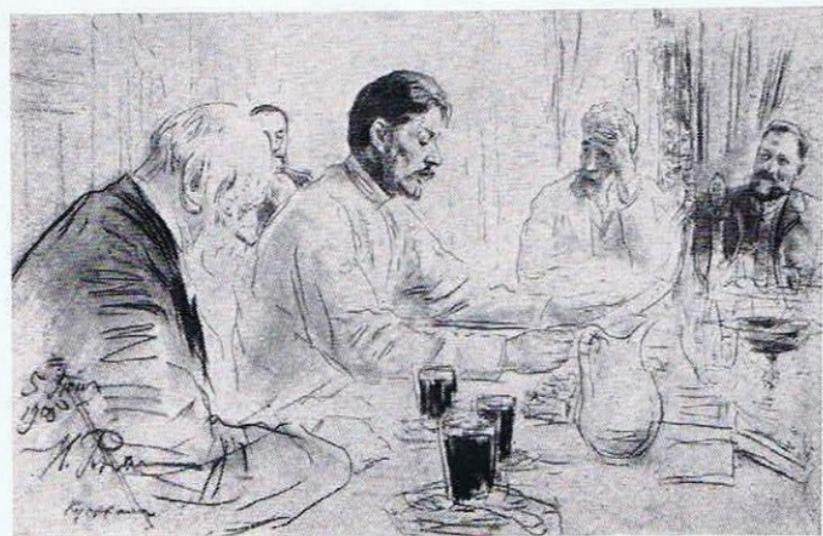
Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ Сорина. Между третьимъ и четвертымъ дѣйствіемъ проходитъ два года.

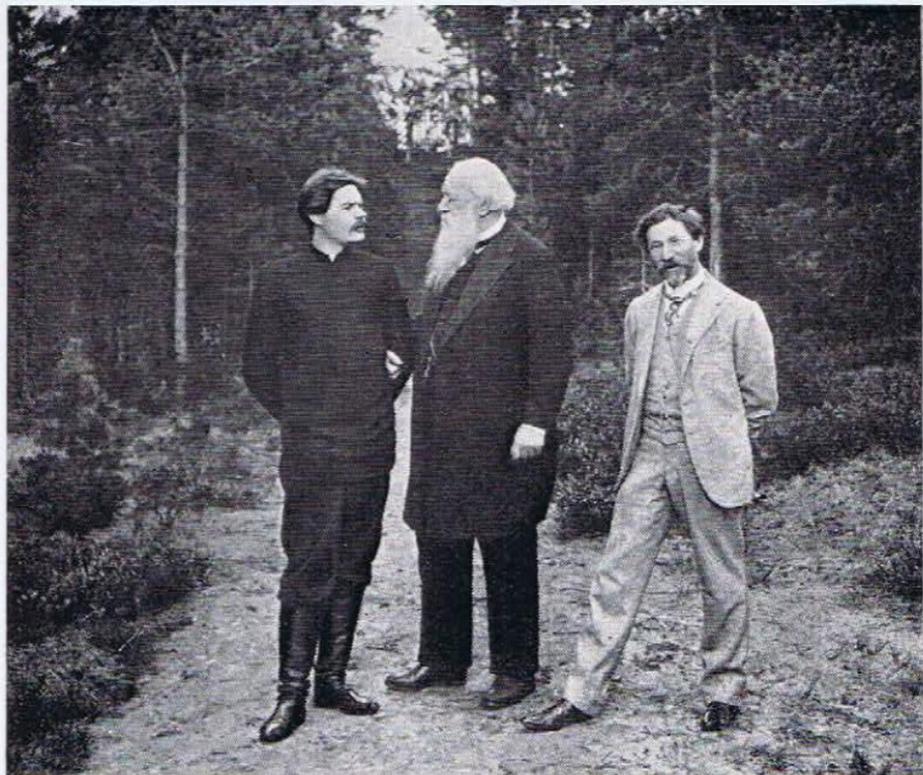
ДѢЙСТВІЕ I.

Часть парка въ имѣніи Сорина. Широкая аллея, ведущая (по направленію отъ зрителей) въ глубину парка къ озеру, загорожена эстрадой, наскоро сколоченной для домашняго спектакля, такъ что озера совсѣмъ не видно. Направо и направо у эстрады кустарникъ. Нѣсколько стульевъ, столикъ. Только что зашло солнце. На эстрадѣ, за опущеннымъ занавѣсомъ, Яковъ и другіе работники; слышится кашель и стукъ. Маша и Медвѣденко идутъ слѣва, возвращаясь съ прогулки.

Медвѣденко. — Отчего вы всегда ходите въ черномъ?

Маша. — Это трауръ по моей жизни. Я несчастна.

*А. М. Горький, В. В. Стасов, И. Е. Репин в парке «Пенатов».
Фотография 18 августа 1904 г.*

◀ *И. Е. Репин. Портрет А. М. Комашка.
Рисунок.*

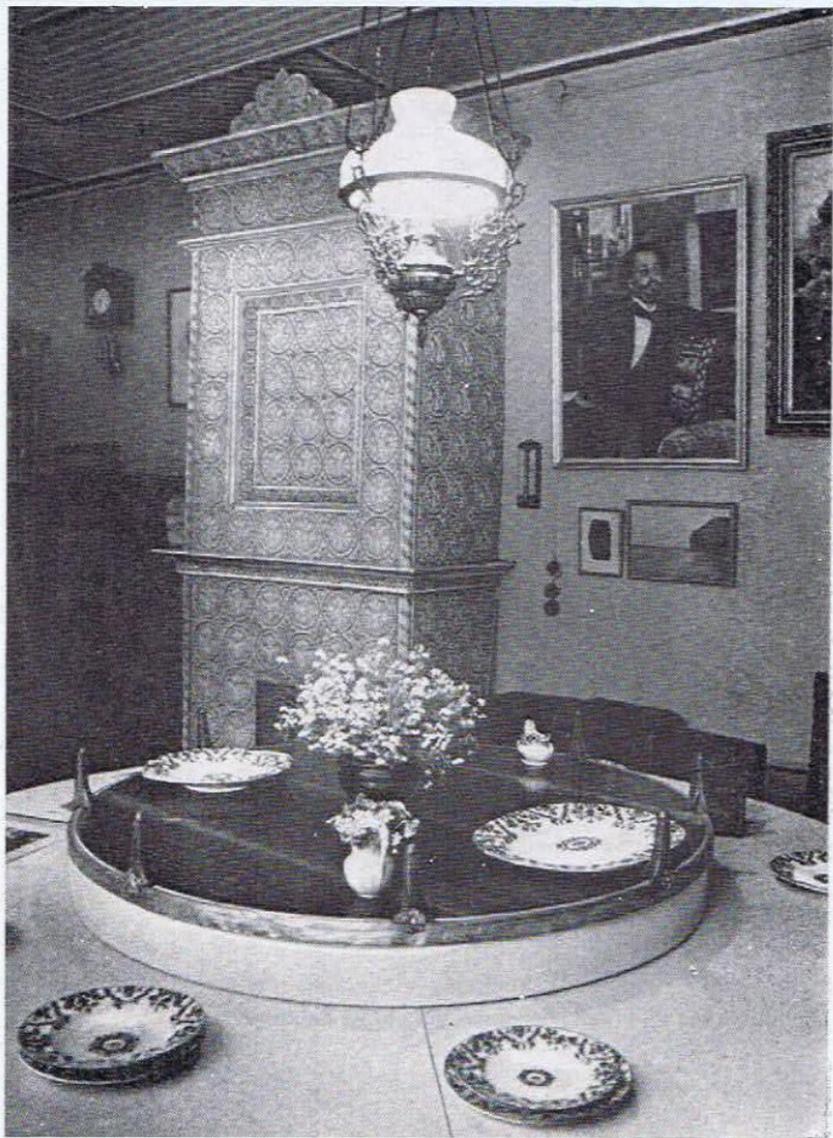
◀ *И. Е. Репин. Горький читает пьесу «Дети
солнца».
Рисунок 1905 г.*

*Гостиная. Рабочий стол П. Б. Нордман.
Фотография 1975 г.*

*А. М. Горький и М. Ф. Андреева на зимней веранде.
Фотография 1905 г.*

Столовая.
Фотография 1975 г.

*И. Е. Репин на трибуне в столовой.
Фотография 1912 г.*

И. Е. Репин. Портрет Н. Б. Нордман (1905 г.).

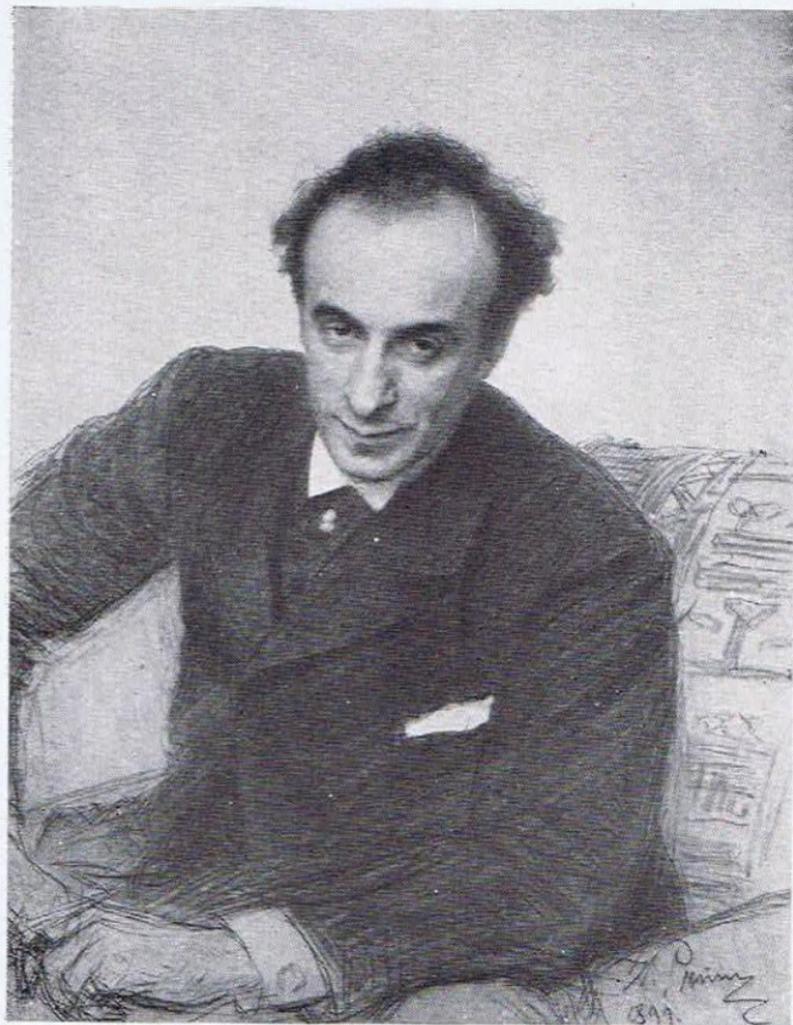
*И. Е. Репин. Портрет Аюты
Петровой (1864 г.).*

*В. А. Серов. Пиратка.
Этюд 1886 г.*

И. Е. Репин. Портрет Нади и Веры Репиных (1877 г.).

*И. Е. Репин. Портрет Г. Г. Ге.
Пастель (1899 г.).*

*Зимняя мастерская.
Фотография 1975 г.*

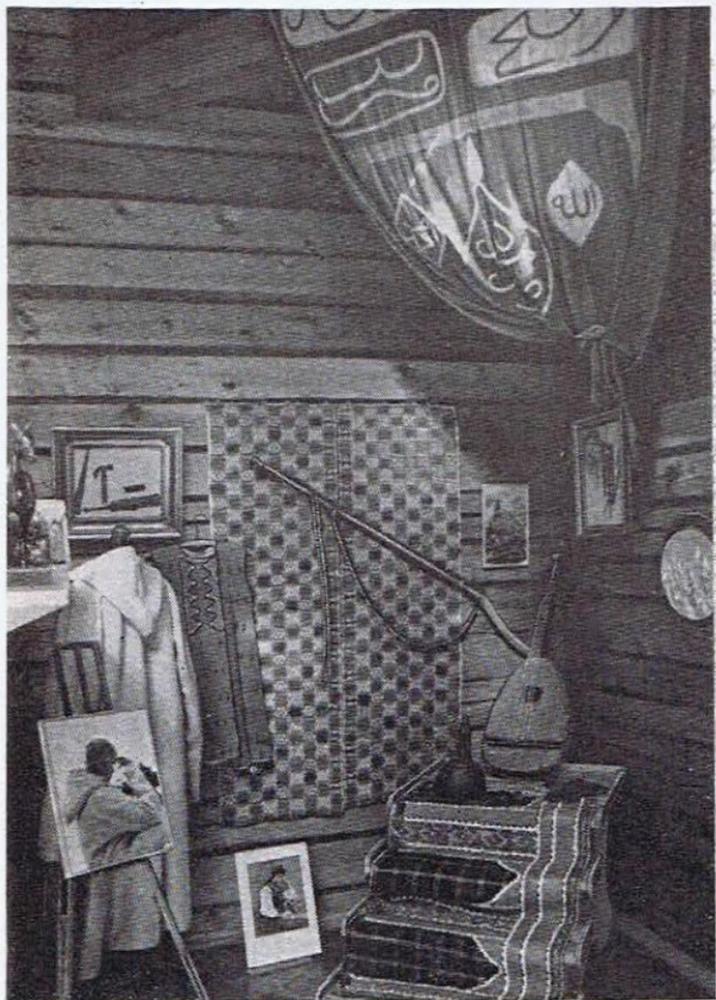
*П. Е. Репин в мастерской.
Фото 1910-х гг.*

*Мастерская И. Е. Репина. Доспехи римского воина.
Фотография 1975 г.*

*Мастерская П. Е. Репина. Скульптурные эскизы
фигур запорожцев.
фотография 1975 г.*

Мастерская. Вещи запорожцев.

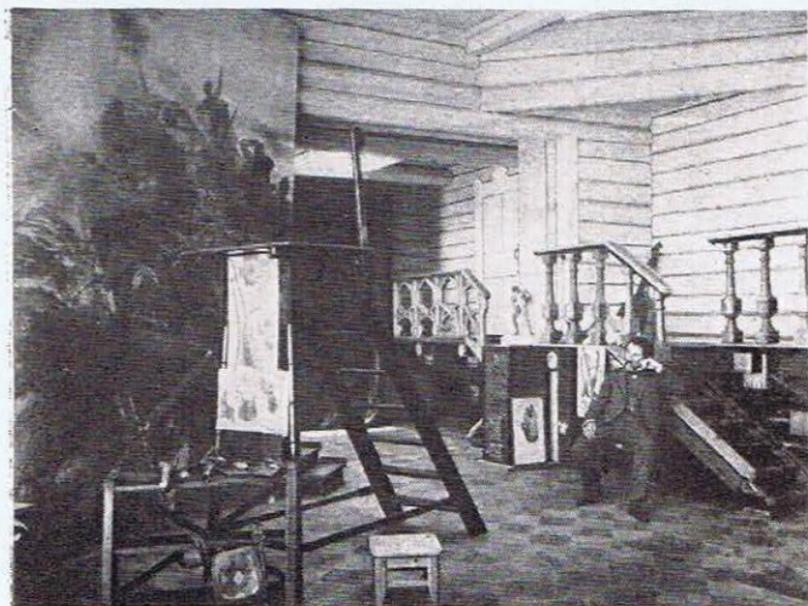
Фотография 1975 г.

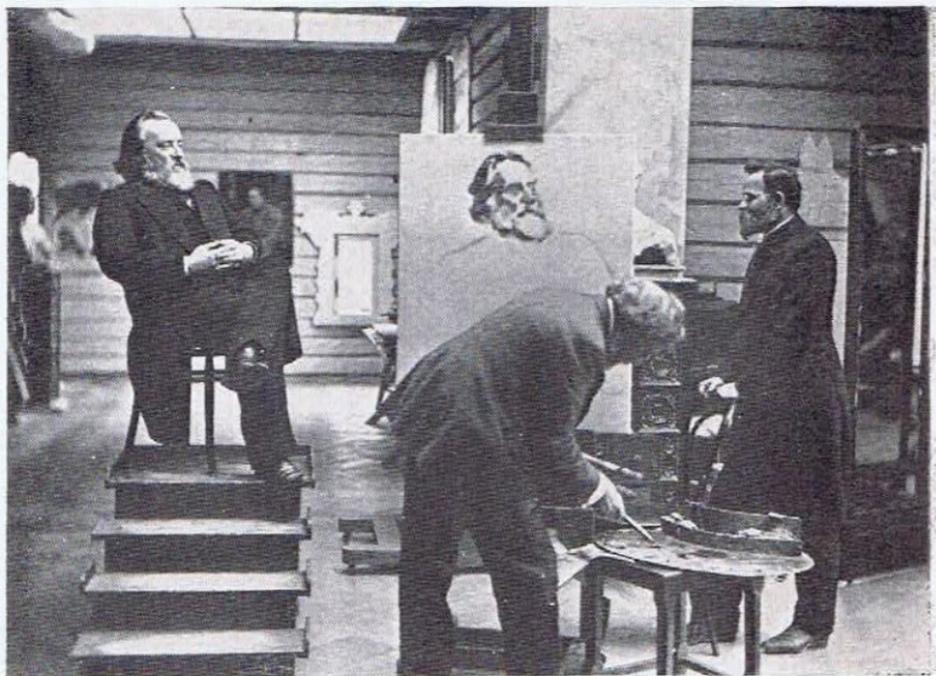
В мастерской И. Е. Репина. ►

Фотография 1975 г.

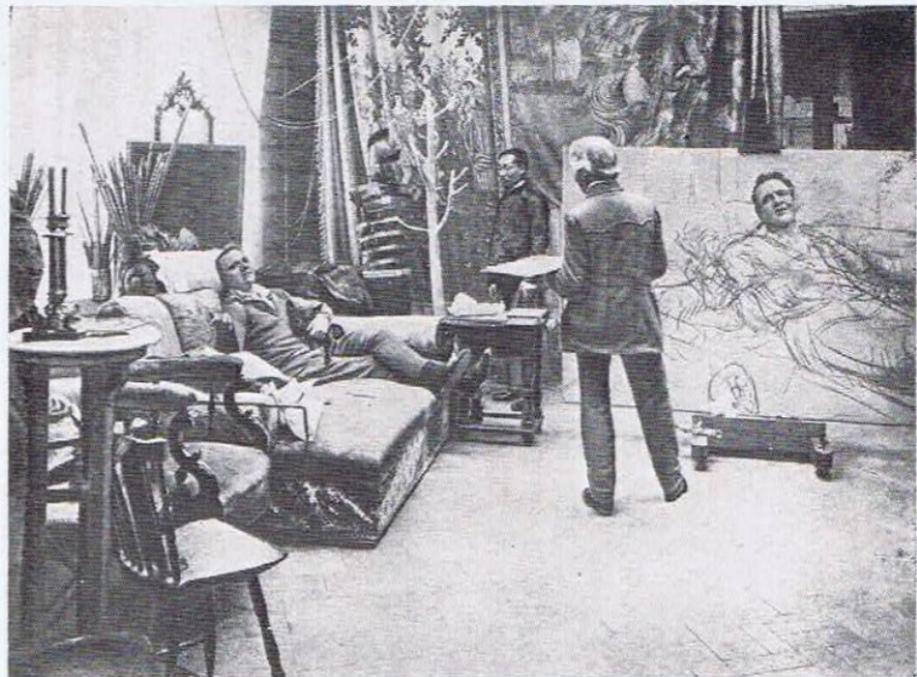
*И. Е. Репин в мастерской перед картиной
«Черноморская вольница». ►*

Фотография 1906 г.

И. Е. Репин пишет портрет Н. П. Кареева (справа — Н. А. Морозов).
Фотография 1908 г.

*И. Е. Репин пишет портрет Ф. П. Шаляпина.
Фотография 1914 г.*

И. Е. Репин. Автопортрет (1920 г.).

отдавать все силы огромным полотнам, обступившим его в мастерской»¹.

Здесь, на склоне дней своих, создает он картины «Черноморская вольница», «Пушкин на лицейском экзамене», «Финские знаменитости», «Самосожжение Гоголя» («Гоголь, сжигающий второй том „Мертвых душ“»), «Поединок» и свою недопетую лебединую песнь — картину «Гонимый».

По средам Репин открывал двери своей мастерской, и многие непосвященные проникали в его «святая святых». Художник показывал свои работы с удовольствием, выслушивал критические мнения о них и очень раздражался, когда неумеренно расхваливали его картины. Больше всего он любил, когда в мастерской собирались близкие друзья. Об этих встречах напоминают нам сохранившиеся многочисленные фотографии. На одной из них, сделанной Нордман, мы видим Репина, Н. Морозова, К. Морозову, С. Сергеева-Ценского, К. Чуковского, А. Свирского и других. На другой фотографии — Репин и Шаляпин с художником Н. Аронсоном, В. Матэ, И. Гинцбургом, С. Жуковским в перерыве между сеансами. На третьей снят момент работы Репина над портретом Л. Яворской. Примечательно, что тут же собралось большое общество. Репин умел работать и одновременно вести оживленную беседу, потому что обмен мнениями только разжигал интерес художника к своей модели, а те, с которых он писал портреты, забывали, что позируют, выражение их лиц теряло напряженность и становилось естественным. Вот почему на удачных портретах, созданных в это время, люди изображены как бы в момент непринужденной беседы. Таковы написанные в «Пенатах» портреты В. Короленко, Н. Кареева, Н. Морозова, П. Самойлова, К. Чуковского, Т. Щепкиной-Куперник и других.

¹ *Чуковский Корней*. Репин (Из моих воспоминаний), с. 10.

Над большими картинами Репин обычно работал в одиночестве и редко показывал их в незавершенном виде.

Иногда он делал исключение для близких людей, которые своим заинтересованным вниманием могли помочь ему точнее определить замысел произведения. В письмах к друзьям Репин часто делится своими планами, и его переписка с И. Н. Крамским, В. В. Стасовым, П. М. Третьяковым, А. В. Жиркевичем, Т. Л. Толстой и другими приоткрывает нам внутренний мир художника, раскрывает процесс его творчества.

В этом смысле письмо Репина к его ученице, молодой художнице В. В. Веревкиной, — образец раскрытия самой психологии творчества.

«Творить что бы то ни было, — пишет Репин, — значит фиксировать моменты высших проявлений души... в то время, когда художник запечатлевает на полотне свой экстаз, он так полон своим настроением, что всякий штрих его освящается особым миром воображения и имеет несравненную силу выражения... В счастливый момент духовной жизни зритель испытает то же счастье, какое испытывал автор!...»¹

После окончания строительства зимней мастерской рядом с ней, над кабинетом, был сооружен балкон под стеклянной крышей. На него можно было подняться по лесенке прямо из кабинета. Эта пристройка являлась продолжением мастерской, но уже на открытом воздухе. Балкон, с высоты которого виден парк и берег залива, Илья Ефимович в шутку прозвал «аэропланом».

«Мой аэроплан дает мне чудесные солнечные ванны, —

---

¹ *И. Репин. Избранные письма в двух томах. 1867—1930, т. 2, М., 1969, с. 30.*

читаем в письме Репина Нордман, — ...сейчас и пишу на нем»¹.

Здесь же на простом, сколоченном из досок топчане Репин обычно спал летом и зимой, и лишь когда термометр показывал ниже 20° мороза, он спускался в свой кабинет. Еще с юности художник приучал себя спать на открытом воздухе или при открытых настежь окнах, не боялся холода и очень редко простужался. Считая, что свежий воздух — залог здоровья, Репин заставлял всех близких следовать его примеру.

«Теперь у нас на всех верхних балконах поделаны скамейки для спанья»², — сообщил он в письме к старшей дочери в 1896 году из имения в Здравневе.

У входа на балкон на мольберте — большое полотно, на котором мы видим круглый белоколонный зал, ряды кресел и несколько фигур, сидящих и стоящих. Это эскиз знаменитой картины «Торжественное заседание Государственного совета», написанной по заказу Министерства императорского двора. Первоначально и художник, и заказчик предполагали, что картина будет небольшого размера, но, принявшись за нее и, как всегда, увлекшись новой задачей, Репин почувствовал, что для того, чтобы представить эту сцену, ему нужно большое полотно. Картина сейчас находится в Государственном Русском музее и занимает целую стену большого зала.

В 1901 году, когда Репин начал «Государственный совет», он был уже пожилым человеком, у него болела правая рука, и для того, чтобы осуществить этот замысел, он привлек учеников из своей мастерской в Академии художеств, где с 1893 года преподавал. Это были Б. М. Кустодиев и И. С. Куликов. Они должны были расчерчивать

¹ Научно-библиографический архив Академии художеств СССР, фонд И. Е. Репина, А-1, оп. 54, VII, к. 16.

² ГРМ. Секция рукописей, ф. 119, ед. хр. 1, л. 11.

холсты, а также писать детали интерьера зала, куда Репин затем вписывал фигуры.

На эскизе, о котором уже говорилось, интерьер, видимо, написан Куликовым, а фигуры Репиным. Он разместил их в нескольких планах, по всей вероятности решая композицию картины и ее цветовые отношения.

Репин поставил непременным условием, чтобы все члены Государственного совета позировали ему в зале заседаний в тех же позах, в которых он решил изобразить их в картине. Предложение писать по фотографиям он категорически отверг.

Одновременно с Репиным портретные этюды писали его ученики, и, так как их портреты были сделаны уже в несколько другом ракурсе, они впоследствии служили Репину дополнительным материалом. Этюды, написанные учениками, конечно, слабее работ самого художника, находящихся в Государственном Русском музее и Государственной Третьяковской галерее, но Репин ценил их, сохранял, и сейчас их можно видеть на стенах мастерской.

Лучшие из них — портрет великого князя Михаила Николаевича (на стене против входа) работы Б. М. Кустодиева, портрет Э. Фриша работы И. С. Куликова (над дверью, ведущей на балкон).

В эти годы к художнику неоднократно приезжали его академические ученики за советом и для того, чтобы вместе с ним поработать в мастерской. У нас сохранилась фотография 1912 года: И. Бродский и Юрий Репин пишут портрет И. Е. Репина на фоне камина. Портрет, который тогда написал Бродский, он хранил у себя, ныне он находится в квартире-музее И. И. Бродского в Ленинграде.

Свою педагогическую деятельность Репин начал очень рано, когда в 1875 году во Франции к нему привели девятилетнего мальчика, сына композитора А. Н. Серова. Заметив его одаренность, Репин стал с ним заниматься и

продолжал эти занятия до самого поступления Валентина Серова в Академию художеств.

Преподавание Репин считал очень важным и серьезным делом. Он не придерживался строгой педагогической системы, но увлекал учеников личным примером, не мешал каждому из них подходить к изображению натуры по-своему. Очень редко художник собственноручно исправлял работу ученика. Обычно Репин садился рядом и начинал писать тот же этюд, давая тем самым наглядный урок. И нельзя не согласиться с очень точным определением ученика Репина И. Э. Грабаря: «Педагогом Репин не был, но великим учителем все же был»¹.

Тех, кто хотел учиться у Репина, было так много, что его мастерская в Академии художеств не могла вместить всех желающих.

Будучи очень трудолюбивым человеком, Репин не уставал повторять, что одной природной одаренности мало: «И при гениальном таланте только великие труженики могут достичь в искусстве абсолютного совершенства форм. Эта скромная способность к труду составляет базу всякого гения»².

Многочисленные ученики Репина не утратили своей творческой индивидуальности, и каждый из них пошел своим путем. Но все они, и А. П. Остроумова-Лебедева, и Б. М. Кустодиев, и И. Я. Билибин, и Д. Н. Кардовский, и К. А. Сомов, и И. И. Бродский, и Ф. А. Малявин, и Н. И. Фешин, подобно Репину, до конца своих дней сохранили необычайное трудолюбие и страстную приверженность к своему делу.

Как уже говорилось, в мастерской Репина в «Пенатах» всегда работал кто-нибудь из начинающих. Репин был очень внимателен к молодым и старался оказать им

---

¹ Грабарь И. Репин, т. II. М.—Л., 1937, с. 237.

² Цит. по кн.: Бродский И. А. Репин-педагог. М., 1960, с. 7—8.

всяческую поддержку. Он восторженно относился к успехам своих учеников и всегда с гордостью показывал их работы. К сожалению, многие из них не сохранились до наших дней: часть была продана, часть погибла во время Отечественной войны. При восстановлении музея стремились восполнить этот пробел. Ранние работы учеников размещены в первой части мастерской.

Над лесенкой, ведущей в «костюмерную», находится большой портрет девушки в полный рост. Она одета в простое платье с передником, в руках держит этюдник и кисти. Это написанный Ф. Малявиным портрет А. И. Тхоржевской-Петровой, с которой он вместе занимался в академической мастерской Репина. Тонкий по живописному решению, портрет интересен еще и тем, что передает типичный облик ученицы Академии художеств тех лет.

Здесь же находится ранняя работа Б. Кустодиева. Это профильный портрет седовласой пожилой женщины, М. П. Грск. Она написана на фоне темной зелени. В портрете уже чувствуется характерная манера кустодиевского письма: краски положены очень легко и рисуют форму, они чисты и прозрачны.

А над маленьким «теремным» окошком висит портрет самого Б. Кустодиева, написанный его товарищем И. Куликовым. Молодой человек изображен полулежащим с книгой в руках. Живопись портрета несколько суховата, но приветливый и живой характер Кустодиева передан удачно.

В центральной части мастерской, около камина, находятся подлинные вещи запорожских казаков, служившие Репину при его работе над картинами «Запорожцы, сочиняющие письмо турецкому султану», «Черноморская вольница», «Гонак».

Еще в 1878 году, задумав написать историческую картину «Запорожцы, сочиняющие письмо турецкому султану», Репин стал собирать материалы, относящиеся

к эпохе Запорожской сечи, что и послужило началом небольшой коллекции необходимых художнику для работы предметов быта, оружия и одежды запорожских казаков.

Работая над своим замыслом, Репин изучал труды по истории Запорожья, читал книги и пользовался советами известного ученого Д. И. Яворницкого (познакомившись с Яворницким, Репин нашел, что его типично казацкая внешность очень подходит для образа писаря в картине, и просил его позировать).

Яворницкий предоставил в распоряжение художника свою коллекцию предметов запорожской старины. Репин несколько раз путешествовал по Украине, по местам бывшей Запорожской сечи, сделал там массу зарисовок, писал портреты потомков запорожцев, изучал древности музеев Киева, Екатеринослава (Днепропетровск), а также вещи, находящиеся в частных собраниях, например в собрании В. В. Тарновского в Качановке (сам же хозяин этого имения Тарновский был изображен Репиным в виде запорожца в черной папахе).

«Вообще, он так глубоко изучал материал для каждой своей картины,— вспоминает К. Чуковский,— что иные из этих картин поистине можно назвать „университетами Репина“. После того, например, как он написал „Запорожцев“, на всю жизнь сохранились у него самые подробные сведения о повседневном быте украинской Сечи, и величайший авторитет в этой области профессор Д. И. Эварницкий [Яворницкий] не раз утверждал, что за время писания своих „Запорожцев“ Репин приобрел столько знаний по истории украинского „лыцарства“, что он, Эварницкий, уже ничего нового не может ему сообщить»¹.

В результате этой огромной предварительной работы у Репина оказались десятки альбомов с набросками типов запорожцев, их оружия, одежды, утвари. Художник очень

---

¹ Чуковский Корней. Репин (Из моих воспоминаний), с. 26.

ценил эти рисунки, редко показывал их и не продавал, но после его смерти альбомы были разрознены и распроданы и сейчас почти все находятся за рубежом.

В поисках наибольшей выразительности персонажей своих картин Репин иногда оставлял кисть и карандаши и брался за лепку. Так, им живо и темпераментно были вылеплены из серой глины небольшие фигурки запорожцев. По свидетельству В. И. Репиной, художник исполнил эти скульптурные этюды одновременно с живописными в 1879 году. До наших дней сохранились только три фигуры, правда, уже без голов и рук, но мы легко в них узнаем казаков, изображенных Репиным в картине. Эти скульптуры стоят на столе кустарной работы, рядом с так называемым «шалапинским» диваном.

Во время работы над «Запорожцами» мысли художника были настолько поглощены сюжетом, что даже в часы отдыха, занимаясь с детьми, он не мог не думать о картине. В своем воображении Репин как бы «переселялся» в Запорожскую сечь. Дочь художника вспоминает, как они играли, нарядившись в украинские костюмы: отец был Тарасом Бульбой, она, Вера, — Остапом, а Надя (сестра) — Андрием. Сына своего Репин даже собирался изобразить в картине. «Моему маленькому брату Юре выбрили голову и оставили чуб, на круглой голове его сначала висел маленький, а затем вился длинный „оселедец“, который он заматывал за ухо, — пишет Вера Ильична. — И костюм ему сшили: желтый жупан с откидными рукавами, когда крестный его Мурашко привез ему малороссийскую рубашку и шаровары. Жупан ему дали заносить, чтобы походил больше на настоящий»¹.

Сейчас в мастерской над маленьким окошком, как и при Репине, висит портрет мальчика с чубом, завернутым за ухо. Если сравнить его с фотографиями Юрия Репина

---

¹ «Нива», 1914, № 29, с. 572.

в возрасте девяти-десяти лет, то можно с уверенностью сказать, что это портрет сына художника.

У камина, на стене, на украинской плахте (их сохранилось несколько в «Пенатах») висит старинное оружие — кривая турецкая сабля с красивой изогнутой рукояткой бледно-зеленого рога и фитильное ружье, тоже восточного, турецкого, происхождения. Его металлические части богато орнаментированы золотой таушировкой. Таким трофейным оружием пользовались запорожцы.

Ниже на подставке лежат ножны к саблям и шашкам, кожаная фляга для вина, кiset из кожи с бахромой и самодельные ножны для двух ножей. К подставке прислонен любимый музыкальный инструмент запорожцев — торбан¹. Он изображен в картине «Запорожцы». Под аккомпанемент этого инструмента пели в «Пенатах» старинные украинские песни и «думки». Слева в углу, у самого камина, на манекене «кобеняк з видлогою» — верхняя одежда запорожских казаков. Она сшита из белого домо-тканого сукна.

В углу, над запорожскими вещами, висит сшитая из материи с цветными аппликациями копия турецкого флага, служившая Репину в 1927—1929 годах при работе над картиной «Гопак».

Справа на выступе стены помещен небольшой круглый барельеф из обожженной глины. Его сделал украинский мастер Василий Поросный из местечка Опошня, которое известно своими гончарами. Этот барельеф представляет собой свободную интерпретацию сюжета репинской картины. Репина очень трогало это самобытное произведение простого народного умельца, и уже в поздние годы, незадолго до смерти, он с восторгом пишет своему другу Д. И. Яворницкому: «Еще один мой приятель привез мне из Полтавы, где он на ярмарке купил скульптурную копию

---

¹ Репин ошибочно называл этот инструмент бандурой.

с известной моей картины (в Музее Александра III), природного украинца с моих «Запорожцев». — Этот украинец не рабски копировал з москаля: вин тильки взглянув орлиным оком, где-нибудь, на мою картину и, зразу побачив, що „москаль“ не все встрапив в козацкой ухватки... Украинец, оце, тут же и поправив. (Оригинал его у меня.) И я всякий раз „дивлюсь“ на цю скульптуру с любовью и умилением: каждый тип моей картины — ридный украинец, с глубоким знанием предмета, поправил все мои недочеты и нехватки в характерах...»¹

Справа на стене висит небольшой эскиз картины «Черноморская вольница». Сюжет картины Репин вновь черпает из истории Запорожья, из жизни свободолюбивых казаков. На этот раз они изображены после очередного набега на турецкие берега. Около семи лет трудился Репин над этим полотном, закончил его в 1908 году, а в 1909 году показал на 37-й Передвижной выставке. Картина привлекла внимание, вызвав как положительные, так и целый ряд отрицательных отзывов. После выставки Репин взял ее в мастерскую, и еще раз переписал, изменив многие типы казаков, положение фигур и композицию.

«Черноморская вольница» — характерный пример того, как Репин работал над своими произведениями. Он редко бывал ими удовлетворен и почти каждое переписывал по нескольку раз. «Если на каком-либо холсте, скажем, восемь фигур, то, в самом деле, — писал Чуковский, — их восемьдесят или восемь раз восемьдесят. А в „Черноморской вольнице“, в „Чудотворной иконе“, в „Пушкине на экзамене“ он у меня на глазах переменял такое множество лиц, постоянно варьируя их, что их вполне хватило бы, чтобы заселить губернский город»².

---

¹ Репин И. Е. Письма к художникам и художественным деятелям, с. 281.

² Чуковский Корней. Репин (Из моих воспоминаний), с. 11.

Картина «Черноморская вольница» и этюды к ней были проданы Репиным в 1919 году художнику-любителю В. Ф. Леви. В настоящее время это произведение находится в одном из частных собраний Швеции. О нем напоминает лишь фотография, запечатлевшая художника в только что отстроенной мастерской перед своей картиной. В «Пенатах» сохранился один этюд к этой картине — «Молящийся запорожец». Этот эскиз стоит на мольберте.

Задумав написать «Черноморскую вольницу», Репин стал собирать недостающий исторический материал и вспомнил о знамени запорожцев, копия с которого, исполненная Д. И. Яворницким, у него была, а затем затерялась. Узнав от Яворницкого, что это знамя находится в Эрмитаже, Репин в 1904 году просит сына скопировать его. Юрий Репин изобразил центральную часть знамени: на малиновом фоне посередине — корабль — знаменитая запорожская «чайка» с фигурами запорожцев. Эту работу можно видеть на стене, рядом с большим окном. Репину она очень нравилась, и в письмах он не раз называет ее «прекрасной» и «добросовестной». Уже в глубокой старости, когда художник еще раз вернулся к запорожской теме в картине «Гопак», копия знамени ему снова пригодилась.

«Теперь на досуге, — пишет он в 1929 году Яворницкому, — при внимательном изучении этой совершенно точной копии я вижу, что все это портреты с натуры. И каждое лицо представляет для меня оригинал — казака-запорожца...»¹

Слева от копии запорожского знамени висит портрет Юрия Репина. Возможно, что это автопортрет. Он не имеет ни даты, ни подписи, но его следует отнести к 1919 году,

---

¹ Репин И. Е. Письма к художникам и художественным деятелям, с. 281.

так как существует датированный портрет Юрия в той же позе и в том же костюме, написанный И. Е. Репиным.

Работал Репин самозабвенно, часто совершенно забывая об отдыхе. Это юношеское увлечение работой сохранилось у него до конца жизни. «У нас теперь позирует голеньким мальчик Эдя, Хильмин брат. Какое счастье писать с натуры тело!» — сообщает он своей дочери Вере в 1918 году¹. И в 1921 году той же Вере: «В мастерской тепло; у меня теперь натурщик, мол (одой) человек, пишу с него nature vivante. Как интересно!»²

Один из этюдов мальчика Эди находится в простенке у третьей лесенки, ведущей в летнюю мастерскую.

В 1910 году он создает портрет Чуковского, который позировал для картин «Черноморская вольница», «Дуэль», «Пушкин на лицейском экзамене».

Познакомившись с Маяковским, услышав стихи поэта, Репин сказал, что хочет написать его портрет. «Это было,— как вспоминает Чуковский,— самое приятное, что мог сказать Репин любому из окружавших его»³. Однако на этот раз художник не учел строптивного характера своей модели и имел неосторожность восторгаться «вдохновенными» волосами Маяковского. «Не желая, чтобы на репинском портрете его чертам было придано ненавистное ему выражение, не от мира сего»⁴, Маяковский по дороге к Репину на сеанс зашел в парикмахерскую и наголо обрил себе голову. Репин, увидав бритоголового Маяковского, был так огорчен, что отложил в сторону большой холст, приготовленный для портрета, и написал с него только небольшой этюд. Этот этюд он использовал при доработке картины «Черноморская вольница», а в 1930 году

¹ ГРМ. Секция рукописей, ф. 119, ед. хр. 4, л. 1.

² Там же, л. 11.

³ *Чуковский Корней*. Репин (Из моих воспоминаний), с. 47.

⁴ Там же, с. 100.

отправил его в Нью-Йорк для продажи. Сейчас местонахождение этюда неизвестно.

Из «Пенатов» Репин несколько раз выезжал к Толстому в Ясную Поляну. Обычно он привозил оттуда начатые портреты писателя. В 1909 году он заканчивал в «Пенатах» портрет Толстого в красном кресле. На фотографии (на площадке лестницы, ведущей в летнюю мастерскую) группа гостей Репина запечатлена около этого произведения.

В центре мастерской, у окна, «шальяпинский» диван¹. Назван он так потому, что на нем позировал Репину Ф. И. Шаяпин.

Репин несколько раз писал великого артиста, однако ни один из портретов до нас не дошел, в том числе первый, исполненный 15 августа 1901 года на даче у Стасова в Парголове. «...Репин нарисовал большой портрет Шаяпина, грудной, в настоящую величину»², — сообщал Стасов брату 16 августа 1901 года. Позже художник неоднократно приглашал Шаяпина в «Пенаты». В феврале 1914 года, после отдыха в Финляндии, на Иматре, Шаяпин заехал к Репину и прожил у него несколько дней, позировав для большого портрета. На фотографии виден один из моментов работы Репина над этим полотном. Шаяпин удобно устроился на диване со своей любимой собачкой Булькой. Рядом стоит его слуга Нембо. Удачно начав портрет, Репин продолжал работать над ним уже после отъезда артиста из «Пенатов». Несколько раз, по памяти, он переписывал лицо и фигуру певца и в итоге, неудовлетворенный своей работой, уничтожил ее, написав на этом холсте в 1917 году этюд.

О Шаяпине же Репину всегда напоминал бюст работы скульптора П. Трубецкого. Бюст этот был выполнен

¹ Подлинный диван не сохранился, и при восстановлении дома-музея был приобретен диван, близкий по форме и обивке.

² Художественное наследство. Репин, т. II, с. 364.

в конце 1890-х годов в Москве. Будучи дружен с С. И. Мамонтовым, Трубецкой посещал его частную оперу, где в это время молодой певец начинал свою блестящую карьеру. Скульптор был покорен голосом Шаляпина и сразу исполнил его портрет. Созданный в свойственной творчеству Трубецкого импрессионистской манере, с ее живой и трепетной лепкой, бюст этот прекрасно передает вдохновенный образ гениального певца. В 1906 году Е. П. Тарханова-Антокольская подарила Репину эту работу Трубецкого, и с тех пор она всегда стояла у него в мастерской.

Репин очень ценил талант Трубецкого. Помимо портрета Шаляпина у него имелась еще одна работа скульптора — портрет М. К. Тенишевой. Репин был также единственным из художников, который во всеуслышание, вопреки мнению придворных кругов, заявил о достоинствах памятника Александру III, устроив банкет в честь Трубецкого. Скульптор не раз бывал в «Пенатах». Памятью о его посещении 13 мая 1906 года является рисунок, запечатлевший Репина. Этот портрет можно видеть в мастерской слева от бюста Шаляпина. В 1908 году Репин написал портрет Трубецкого. Он находится в Национальной галерее современного искусства в Риме.

Справа от большого окна на стене размещены этюды Репина: портрет финского поэта Эйно Лейно — к картине «Финские знаменитости», двух солдат — к картине «В атаку с сестрой», этюд к неосуществленной картине «Петр I на верфи». На золоченом мольберте картина Репина «Вид на Везувий ночью», написанная еще в традициях академической живописи во время путешествия художника по Италии в 1873 году.

В центре мастерской, на мольберте, последний автопортрет Репина 1920 года — художнику было тогда 76 лет. Написан он в самое тяжелое время. Отрезанный от родины, от друзей, Репин чувствовал себя очень одиноким.

«Теперь я припоминаю слова Достоевского о безнадежном состоянии человека, которому „пойти некуда“. Я здесь уже давно совсем одинок»¹, — писал он К. И. Чуковскому. Это чувство тоски и заброшенности прекрасно передано в автопортрете, одном из лучших произведений последнего периода репинского творчества. Он поражает глубоким драматизмом, раскрывая трагедию Репина — художника и человека. Репин изобразил себя сидящим у стола, в шубе и шапке. Эта деталь не случайна. На чужбине художник в первые годы после революции испытывал большие материальные затруднения, так как не имел возможности продавать свои работы. Плохо было с питанием. Не хватало дров, и, даже привыкший к спартанскому образу жизни, Репин страдал от холода в своем доме. Сохранилась теплая шапка, в которой художник себя изобразил (она лежит на табурете, справа от автопортрета). У шкафа висит рабочий халат Репина.

Рядом с автопортретом на столике, в синей вазе, кисти Репина. Справа на низкой табуретке находится его знаменитая подвесная палитра. Уже в конце 1890-х годов у Репина от чрезмерной работы атрофировались мышцы между большим и указательным пальцами правой руки. Чтобы не прекращать работы, Репин начал писать левой рукой, которой он стал владеть не хуже, чем правой. А чтобы освободить левую руку, он свою специальную палитру подвешивал ремнем у пояса.

Жажда творчества у Репина была необыкновенная. Когда художнику шел восьмой десяток, доктора запретили ему работать без отдыха и потребовали, чтобы он хотя бы в воскресенье не брал в руки карандашей и кисти. Как вспоминает Чуковский, по издавна заведенному обычаю, по воскресеньям Репин приходил к нему в гости. Повинуясь требованиям докторов, он прятал от Репина каран-

---

¹ Чуковский Корней. Репин (Из моих воспоминаний), с. 53

даши и даже перья. «Он покорно переносил эту тяготу и час, и второй,— пишет Чуковский,— но стоило войти ко мне в комнату какому-нибудь „живописному“ гостю, стоило мне зажечь мою висячую лампу, которая по-новому освещала присутствующих, и Репин с тоскою оглядывался, нет ли где карандаша или пера. И не найдя ничего, хватал из пепельницы папиросный окурочок, макал его в чернильницу и на первой же попавшейся бумажке начинал рисовать»¹.

Без искусства Репин не представлял себе своего существования. В 1927 году он писал Чуковскому: «Прежде всего я не бросил искусства. Все мои последние мысли о Нем...»². В 1926 году Репин начинает работу над новой картиной «Гопак», посвятив ее композитору Мусоргскому. Содержание картины он описывал так: «...картина моя по своей идее есть жанр. Портретов никаких... В веселый, теплый день казаки высыпали на берег Днепра и, радуясь своему здоровью и окружающей их природе, веселятся...»³

В картине «Гопак» с новой силой проявилась тоска по родине. Именно в эти годы налаживаются связи Репина с друзьями из Советской России. Ему пишут земляки-чугуевцы, приглашая приехать, его навещают друзья-художники, рассказывая о новой жизни в России. Репин испытывает душевный подъем. Вновь он обращается к темам, связанным с родиной, с любимой Украиной.

«...Под большим секретом признаюсь Вам, что я опять взялся за *Запорожье!* — пишет он Яворницкому в 1926 году. — Ну, разумеется, опять пошла в ход вся *Украина*. С какой радостью и каким-то родственным трепетом сердца, с жадностью я перечитываю все, что нашлось»⁴.

¹ Чуковский Корней. Репин (Из моих воспоминаний), с. 15.

² Там же, с. 12.

³ Репин И. Е. Письма к художникам и художественным деятелям, с. 274.

⁴ Там же, с. 260.

И хотя здоровье было уже подорвано и ноги почти отказались держать, Репин, не задумываясь, берется за непосильную для него задачу. «Недели три я очень плохо себя чувствовал, — писал Репин Яворницкому в 1927 году, — но все же, опираясь то на шкапы, то на стены, все же не бросал Сечи — подползал и отползал. Но кончить уже не смогу... А жаль. Картина выходит красивая, веселая»¹.

Еще весной 1930 года Репин работал над «Гопаком», но так его и не закончил. После смерти художника картина была продана в Финляндию и сейчас находится там в частном собрании.

Не успел Репин закончить и еще одно полотно, которое находится в глубине мастерской, у окна. Это — картина «Пушкин на набережной Невы. 1835 год». Над этим полотном Репин работал свыше тридцати лет, бесконечно переписывая и меняя его композиционно.

Картина не случайна в творчестве Репина. Всю жизнь он преклонялся перед гением поэта и много раз обращался к созданию его образа в живописи. В 1887 году он исполнил вместе с И. К. Айвазовским картину «Пушкин на берегу Черного моря»; в 1911 году в «Пенатах» — «Пушкин на лицейском экзамене». Картина «Пушкин на набережной Невы» была начата Репиным в 1897 году, за два года до предстоявшего столетия со дня рождения поэта. Однако завершить ее к юбилею Репину не удалось. Показанная на 39-й Передвижной выставке в 1911 году, а затем, после переработки, на 40-й Передвижной выставке, она вновь возвращается в мастерскую, где художник снова трудится над ней.

Прошло двадцать лет с тех пор, как Репин приступил к своей картине, «и до сих пор, — писал он в 1917 году

---

¹ Репин И. Е. Письма к художникам и художественным деятелям, с. 269.

Леониду Андрееву, — злополучный холст, уже обьерзанный в краях, уже наслоенный красками, местами вроде барельефа, все еще не заброшен мною в темный угол... Напротив, как некий маньяк, я не без страсти часто схватываю этот сажженный подрамник, привязываю его к чему попало, чтобы осветить, вооружаюсь длинными кистями, по одной в каждой руке, — а палитра лежит у ног моего идола. И несмотря на то, что я ясно, за 20 лет, привык не надеяться на удачу, я бросаюсь на приступ этого очаровательного араба... я подскакиваю со всем запасом моих застарелых углей, и дерзаю, дерзаю, дерзаю... до полной потери старческих сил»¹.

После революции Репин вновь возвращается к образу Пушкина, который как бы связывал его с родиной. В 1921 году Репин пишет: «А я все продолжаю; и не только продолжаю, нет, опять все наново переделываю... Пушкина [напр]имер... И ведь опять Пушкин стоит вчерне, перекомпонованный совершенно, исключая фона набер[ежной]. Часто мне вспоминается тургеневский Лемм, как он после восторженных приступов к творчеству, разбитый, разочарованный, бросался на свой диван бессильной тряпкой, повторяя: — нет, и не поэт и не музыкант...»².

Решение портрета со временем меняется. В первых вариантах Репин изображал Пушкина восторженным, декламирующим только что сочиненные строфы, а в последнем варианте Пушкин сосредоточен, погружен в свои мысли, и красный тревожный отблеск лучей заходящего солнца на зданиях Петербурга словно предвещает скорую трагическую гибель поэта.

Однако силы уже оставляли Репина, зрение слабело, память стала отказывать, и часто, набирая краску, он тотчас же забывал даже, на какое место холста он хотел

¹ Цит. по кн.: *Голубев В.* Пушкин в изображении Репина. М.—Л., 1936, с. 16.

² ГРМ. Секция рукописей, ф. 119, ед. хр. 4, л. 8.

ее положить. Глядя на пушкинский портрет, чувствуешь трагедию художника, еще полного желания работать, творить и в то же время сознающего, что выполнить свои замыслы он не в состоянии. И все же в 1929 году он еще работает над картиной. «А я опять иду на приступ Пушкина. Но куда же мне с моими слабыми силами!»¹ — писал он с грустью К. И. Чуковскому.

Картина «Пушкин на набережной Невы» имеет посвящение. На постаменте под бронзовым львом ясно читается надпись: «Посвящается Александру Александровичу, Софии Александровне, Михаилу Александровичу Стаховичам».

Впоследствии Репин писал: «К семье Стаховичей я всегда относился с особенным уважением... Они были такие приверженные пушкинианцы, что я посвятил им картину свою...»²

Как и над другими своими произведениями, Репин при работе над этой картиной пользовался советами пушкинистов, тщательно собирал исторический материал. Сохранился сюртук, сшитый по заказу художника для его работы над фигурой Пушкина.

В глубине мастерской и на лесенке-подставке можно видеть доспехи римского воина (бутафория), также служившие Репину для работы над картинами последних лет. Здесь же находится кресло для позирующих и большая ваза с кистями художника.

* * *

Поднявшись из зимней мастерской по одной из лесенок, можно попасть в следующую комнату, окна которой выходят на север. Здесь Репин работал летом. Здесь же

¹ Чуковский Корней. Репин (Из моих воспоминаний), с. 11.

² Художественное наследство. Репин, т. 1, с. 198—199.

хранил он те картины, которые не считал законченными и не хотел никому показывать. В летнюю мастерскую редко входили посторонние, поэтому иногда ее называли «секретной». На этом месте первоначально был большой открытый балкон, на котором Репин любил рисовать. В 1903 году он написал здесь автопортрет с Нордман (хранящийся теперь в музее Атенеум в Хельсинки).

Построена летняя мастерская в 1906 году, одновременно с зимней, и, как во всех помещениях, где Репин работал, в ней устроен верхний свет. Когда восстанавливали репинский дом, не было найдено ни одной фотографии, снятой в этой комнате, поэтому сохранена лишь ее планировка.

Летняя мастерская используется как выставочное помещение. Здесь также демонстрируется кинофильм, смонтированный из документальных кадров, снятых в «Пенатах» при жизни Репина. Этот четырехминутный фильм составлен из эпизодов разных лет. Вначале идут кадры, запечатлевшие Репина в 1915 году. Рядом с художником мы видим его старшую дочь, Веру Ильиничну, а среди гостей художника — С. М. Зайденберга. Последующие эпизоды сняты зимой 1920 года, и перед нами как бы оживает репинский автопортрет. Несмотря на то что эти кадры занимают всего две-три минуты, они позволяют представить обстановку в «Пенатах» тех лет, когда Репин оказался отрезанным от родины, испытывал одиночество и материальные лишения. Но вместе с тем Репин сохранял бодрость, оптимизм и, главное, не бросал работы, продолжая трудиться над книгой мемуаров и над своими холстами. Мы видим Репина и в кабинете, и в столовой, и в парке. В мастерской художник снят в то время, когда он пишет картину «Финские знаменитости» — коллективный портрет финских художников, архитекторов, музыкантов, среди которых композитор Сибелиус, архитектор Сааринен, живописец Галлен-Каллела, поэт Эйно Лейно.

Картину Репин подарил национальному музею Финляндии Атенеум.

На стенах летней мастерской экспонируются рисунки Репина, а также некоторые работы его друзей и учеников. Наброски, станковые рисунки, этюды, и эскизы к картинам И. Е. Репина исчисляются тысячами, и в большинстве случаев художник рассматривал их как материал для дальнейшей работы над живописными вещами. Поэтому рисунки он хранил у себя и очень редко продавал их. Таким образом, у Репина к старости, как вспоминал К. И. Чуковский, «составилась целая библиотека альбомов (несколько книжных шкафов), которую он почти никому не показывал. Когда в 1915 году, в виде особой милости, он позволил мне перелистать эти альбомы, передо мной открылся новый Репин, заслонивший даже того Репина, которого я знал по картинам»¹.

Альбомы с рисунками сохранялись в «Пенатах» до последних лет жизни художника. После его смерти дети поделили между собой картины, альбомы с рисунками и продавали их, часто разрозненными.

В «Пенатах» же только случайно осталось немногим более ста рисунков. Это работы разных лет. Среди них есть бесспорно интересные вещи, например редкий в творчестве Репина пример работы в технике литографии — лист «На лекции по истории церкви в Императорской Академии Художеств». Здесь Репин изобразил себя и своих товарищей в годы ученичества.

Необыкновенные качества Репина-рисовальщика, зоркость и цепкость его глаза и руки характеризуют моментальные зарисовки такого рода, как набросок художника с его двухлетней дочери Веры.

Из поздних работ примечателен рисунок тушью «Расстрел демонстрации», изображающий события 1905 года.

---

¹ Чуковский К. Илья Репин. М., 1969, с. 43.

К этому же времени относится и акварель «Мольба о конституции».

Портрет Л. Н. Яковлевой, друга семьи Стасовых, Репин выполнил в 1906 году. Точность психологической характеристики модели сочетается здесь с высоким мастерством Репина-акварелиста. Вообще, рассматривая рисунки Репина, нетрудно заметить разнообразие приемов их исполнения. Близко наблюдавший Репина его ученик и биограф И. Э. Грабарь писал: «...Репин никогда не подходил к натуре с заранее составленной системой взглядов, а тут же, стоя перед моделью, применял те из них, которые, по его мнению, наилучшим образом могли передать его представление об этой модели. Оттого в репинских рисунках нет никакой трафаретности и заученности, оттого они все волнуют своей свежестью и неожиданностью»¹.

Чтобы попасть снова в зимнюю мастерскую, посетители проходят через маленькое помещение, так называемую «костюмерную», где хранились костюмы для натурщиков. Сейчас эти костюмы помещены в большой шкаф-витрину. Многие из этих вещей изображены Репиным в картинах. В первую очередь обращает на себя внимание костюм (телогрея) царевны Софьи для картины «Правительница царевна Софья Алексеевна», спитый, так же как и воротник к этой одежде, по рисункам Репина². Валик из пестрой ткани изображен в картине «Иван Грозный». В красном гетманском жупане (подлинная запорожская одежда XVII века) изображен Репиным В. В. Тарновский на портрете 1880 года. Здесь же можно видеть национальную одежду арабов абу (распахнутой

¹ Грабарь Игорь. Репин, т. 2. М., 1937, с. 154.

² Примечательна судьба этих вещей. После смерти Репина они были проданы его дочерью Верой за границу и только в 1964 году (телогрея) и в 1972 году (воротник) вернулись в «Пенаты». Телогрея была подарена музеем известным чешским художником В. Фяла.

плащ) и полосатое шелковое головное покрывало, купленные Репиным в Палестине в 1898 году. Они были использованы художником при работе над не сохранившейся до наших дней картиной «Иди за мной, Сатано».

* * *

Восемьдесят лет отдал Репин творческому труду, испытал сладость славы и горечь равнодушия, разочарование в себе и упоение работой, злобствование реакционеров и всенародное признание.

Илья Ефимович Репин стоит в одном ряду с великими деятелями русской культуры. Советские художники постоянно учатся у Репина, считая себя продолжателями его традиций. Все, что создано Репиным, все, что характеризует его взгляды, метод его работы, тщательно изучается. Капитальные исследования и популярные книги, публикация архивных документов, издание переписки художника и репродукции его картин — все это встречается с огромным интересом самыми широкими кругами. Залы музеев и выставок, где экспонируются произведения Репина, всегда переполнены. Более ста тридцати тысяч человек ежегодно посещают музей-усадьбу «Пенаты». Приезжают из Ленинграда, со всех концов Советского Союза, из-за рубежа, чтобы побывать там, где жил, работал и похоронен великий художник-реалист, произведения которого являются гордостью русского народа и достоянием всего культурного человечества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Прихожая	19
Кабинет	22
Гостиная	33
Зимняя веранда	49
Столовая	53
Зимняя мастерская	63

*Мария Александровна Карпенко,
Елена Владимировна Кириллина,
Елена Григорьевна Левенфиш,
Галина Исааковна Прибульская*

«ПЕНАТЫ» музей-усадьба И. Е. Репина

Редактор И. А. Сенна
Художник Е. П. Гаврилов
Художественный редактор И. З. Семенов
Технический редактор Г. В. Преснова
Корректор В. Д. Чаленко

Сдано в набор 14/X 1975 г. Подписано к печати 3/II 1976 г.
М-29040. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Усл. печ.
л. 3,85+вкл. Уч.-изд. л. 3,70+1,11=4,81. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 322. Цена 40 коп.

Лениздат,
191023, Ленинград,
Фонтанка, 59
Ордена Трудового Красного Знамени
типография им. Володарского Лениздата
191023, Ленинград, Фонтанка, 57,

40 коп.